

The background is a collage of three images. The top image shows a large steel arch bridge over a body of water. The middle image shows a coastal scene with a stone wall and a red warning sign that reads "CAUTION Sea wash on promenade at high tide". The bottom image shows an open black backgammon set with red and white pieces and dice.

Триктрак

Ольга Болгова

Ольга Болгова

Триктрак

«Автор»

2023

Болгова О.

Триктрак / О. Болгова — «Автор», 2023

Жизнь полна неожиданностей и рисков. Так и случилось с Анастасией Зверевой, когда она, познакомившись онлайн с серьезным на первый взгляд англичанином из городка на берегу Английского пролива, отправилась к нему по его приглашению. Потенциальный жених не встретил ее в аэропорту, а дом по указанному им адресу оказался пустым и полным не очень приятных сюрпризов и загадок, которые приходится разгадывать гостье из России. Не последнюю роль в этой истории играет триктрак, игра, что иначе зовется нардами. Когда-то, в годы юности, Анастасии подарили старинные нарды, которые она привезла с собой...

© Болгова О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Ленинград. Шариковая ручка	5
Глава 2. Гастингс. Woodcombe Drive – Переулок Лесной овраг	8
Глава 3. Ленинград. Курсовая. Пролитый кофе	11
Глава 4. Гастингс. Дом номер три	19
Глава 5. Ленинград. Простуда. Ножки	26
Глава 6. Гастингс. Замок	37
Глава 7. Ленинград. Два театра	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ольга Болгова

Триктрак

Глава 1. Ленинград. Шариковая ручка

Они пробуждаются и выбираются на свет, когда далёкие часы на башне бьют полночь. Они заполняют коридоры, тишину которых днём лишь изредка нарушали случайные шаги да скрипы деревянных лестниц старого дома. Словно открывается занавес, и начинается спектакль, звучит интерлюдия, крутится диск сцены, меняя декорацию, и гурьбой высыпают актёры: кто на кухню с чайником, кто – к соседям, поболтать или за конспектом, а кто – в сторону пятачка на лестничной площадке – покурить у разбитого окна.

- Кто поставил этот чайник?
- У кого-нибудь есть конспект по вышке?
- Юлька, ты взяла сигареты?
- Ура! У нас еще осталась колбаса!
- А он вчера так и не явился!

Общага, живущая ночной жизнью, сонная и тихая днем. Кто-то вытаскивает на просторы коридора чертёжную доску на самодельном кульмане-треноге; отличница-зубрила устраивается в старом кресле у балконной двери бубнить какой-то конспект к завтрашнему зачёту; местная чистюля тащит таз с бельем в умывалку – стирать, а на кухне шумная компания накрывает на стол, с миру по нитке собирая закуски к чаю – двести граммов тонко нарезанной в Петровском гастрономе докторской колбасы, остатки печенья и половина вчерашнего батона. Общага дружно гудит, бурлит молодой ночной жизнью. Они успокаиваются лишь под утро, разбредаясь по комнатам, чтобы успешно проспать первые пары.

Грохот упавшей на пол чертёжной доски вдребезги разбил шаткую предутреннюю тишину. Доски эти выполняли не только свои непосредственные функции, но и побочные, точнее, подкроватные – их укладывали под растянутые кроватные сетки, чтобы не проваливаться в них, как в ямы. Ася села, ошарашено вглядываясь в темноту.

– Опять доска упала... – раздался сонный голос Лёли, подруги и соседки по комнате, в полутьме взметнулась и рухнула на подушку её взлохмаченная голова. Третья кровать безмолвствовала по причине отсутствия её обитательницы, вышедшей замуж и переехавшей в однокомнатную хрущёвку на Охте с мужем-питерцем.

Ася, вяло проклиная неповинную в неустойчивости своего положения доску, улеглась досыпать в изогнувшуюся, как гамак, кровать.

– Ты на первую пару идешь? – послышалось минут через пять из Лёлиного угла, но Ася уже её не слышала.

Вне зависимости от ответа первую пару они проспали, и Лёля была намерена проспать и вторую, но Ася встала – поджимала курсовая, которую нужно было сдать ещё на прошлой неделе – и отправилась обычным маршрутом по скрипучему полу коридора в умывалку, где из крана зимой и летом лилась только ледяная вода, а к букету обычных запахов мест общего пользования традиционно примешивался аромат чего-то сожжённого на кухне. Из 512-й, мальчуковой, традиционно взвилась спираль вступительных аккордов к «Повороту» – жизнеутверждающий хит наносил удар по утренней лени.

Справиться с непослушными волосами, вечно стремящимися к независимости; подправить буйно растущие брови, украсить ресницы остатками туши, выскобленными из картонной коробочки – нужно срочно пополнять запасы косметики. Осмотрев две пары безнадежно

порванных колготок, Ася со вздохом отложила юбку, надела брюки и собственноручно связанный свитер, осторожно застегнула хрупкие молнии сапог, влезла в узкое пальто в крупную клетку, подхватила тубус с чертежами и набросила на плечо новую кожаную сумку, на приобретение которой ушла треть стипендии и два часа в очереди в Пассаже. Вновь по коридору, на ходу приветствуя соседей, вниз по скрипучей деревянной лестнице, по истоптанным, истёртым, давно некрашеным ступеням, мимо мрачной вахтёрши Олеговны, страдающей синдромом гардеробщицы, в сырость питерского марта, в прозрачный воздух, дрожащий от мириад крошечных капель, напитанных тёплым весенним светом, будоражащим кровь и дарящим простуды.

Каблуки крошили бурую снежную кашу, в которую превратился выпавший вчера вечером снег. Десять минут быстрым шагом по узким улочкам, и в лицо ударил простором и грохотом Кировский проспект. Пробег по едва заметной, смытой за зиму, зебре перехода и поворот в «Сосисочную», где можно нарваться на кого-нибудь из кинознаменитостей, забежавших перекусить из Ленфильма, что находится в паре шагов отсюда.

В это утро в кафе было на удивление пусто, чисты столики с пластиковыми столешницами противно голубого цвета. Ася стянула с горки буро-коричневых подносов верхний, взяла с витрины тарелку с творожной запеканкой, заказала у вечно недовольной буфетчицы порцию макарон с сыром, плеснула из большого алюминиевого чайника заварки в гранёный стакан и подставила его под кран титана, откуда, булькнув, потекла, пузырясь, кривая струя горячего кипятка. Устроилась за столиком у окна, предвкушая завтрак. Макароны были горячи, чай обжигал, и пришлось пить его мелкими глотками.

Время поджимало, и через четверть часа она уже выскочила на простор проспекта. Поворот на небольшую площадь с памятником Горькому, окаймленную дугой помпезного здания в стиле неоклассицизма, в первом этаже которого расположился знаменитый магазин «Табак» – на его витрине на фоне бутылок кубинского рома красовались коробки с настоящими кубинскими сигарами, по пять рублей за штуку. А чуть дальше – «Торты», с вечной очередью жаждающих стать обладателями фирменного вафельного торта, украшенного шоколадным Медным всадником.

Перейдя трамвайную линию, Ася поднялась по ступеням, ведущим в павильон метро. Найдя пятак в кармане пальто, бросила его в щель прожорливого автомата, пробежала через турникет, вновь в тысяча незнакомый раз ощутив холодок опасения, что его железные руки обязательно выскочат и ударят по бокам. Вниз по эскалатору, бегом по мягким полосатым ступеням, в раскрытые двери вагона как раз за секунду до того, как сдвинулись створки, стукнувшись резиновыми бортами. «Следующая станция «Невский проспект...». Уфф... В вагоне оказались свободные места, и Ася устроилась на диванчике в углу, достав из сумки книгу в потрёпанной обложке. Поезд с нарастающим гулом скорости устремился в черное жерло тоннеля.

Четверть часа спустя она вышла из недр подземки на площадь, что была когда-то рыночной, да и сейчас, хоть рынок, как таковой, на ней отсутствовал, напоминала о своей изначальной роли – суетой, неустроенностью, грохотом трамваев и «шанхаем» со стороны Фонтанки.

Впрочем, Асе было не до размышлений о природе площади. Пройдя привычную сотню метров, она открыла тяжёлую старинную дверь, ведущую в седьмой корпус института, куда её четыре года назад занесла судьба и набранные на вступительных экзаменах девятнадцать с половиной баллов. Еще рывок по путанице лестниц и коридоров в гудящую голосами аудиторию, за пару минут до звонка, привет всем присутствующим, знакомым и не очень. Стараюсь сохранить спокойствие духа и равнодушие взора, Ася быстро пробежала глазами по рядам, мгновенно выхватив темноволосую голову и задохнувшись ударами сбившегося с ритма сердца. Ещё один взгляд исподтишка в его сторону, он повернулся, она вспыхнула, наткнувшись на синеву его глаз, и пошла по проходу к призывно махнувшей рукой подруге Валентине.

Влюбилась она нечаянно и глупо, как это часто бывает в двадцать с небольшим. Почему он, а не другой? Почему именно этот черноволосый с наглым синим взглядом Ася объяснить не могла. Однажды она сидела на лекции позади него, он обернулся и попросил у нее ручку, она, отчего-то разволновавшись, отдала свою и до конца лекции тупо смотрела ему в спину, мысленно повторяя: «Ну, оглянись и попроси что-нибудь ещё, ручку или тетрадь, или просто так, оглянись!». Гипнотизёр из Аси вышел никакой, он больше не оглянулся и ничего не попросил, но девушка пропала, словно невидимый крючок цапнул то загадочное место, где возникает то странное волшебство, приносящее и радости, и горести – чего больше, никто не скажет. Лёня Акулов, так называлось Асино пристрастие, был питерцем, состоял в шумной, весёлой компании шутников и приколистов, любимцев девчонок всего потока и побочных ручьёв и речек. Прежде она и внимания на него не обращала, будучи платонически и теоретически, но мучительно влюблённой в великолепного энергичного актера БДТ, спектакли с участием которого планомерно посещала не по одному разу, выстаивая ночные очереди за билетами. Актер был талантлив, хорош собой, высок ростом – прекрасная мишень для грёз начитанной девушки, любительницы кино и театра. Синие же глаза Лёни Акулова неожиданно-негаданно, а, возможно, наоборот, закономерно, пробили брешь в этой романтической броне, вызвав бурю чувств, мучивших Асю уже почти три месяца.

Глава 2. Гастингс. Woodcombe Drive – Переулок Лесной овраг

Шары высоких фонарей вяло рассеивали темноту, где-то рядом шумело море, точнее, пролив, обреченный принадлежать двум странам и потому носить двойное имя Ла-Манш – Английский. Или наоборот, кому как нравится. Задние огни автобуса, из которого я только что вышла на мокрый асфальт набережной, мелькнули за поворотом и пропали. Все стихло и замерло – ни живой души, лишь холодный ветер, дыхание воды, да удаляющийся шум одинокого мотора. Найдя под фонарем место посуше и посветлее, я пристроила туда чемодан и немного постояла, пытаясь успокоиться и выровнять сбившееся от волнения дыхание. Что могло случиться? Что помешало ему встретить меня? Еще вчера мы разговаривали по скайпу, и все казалось прекрасным. Или он встречал, но мы, по какому-то стечению обстоятельств, разошлись, не увидев друг друга? Это невозможно, ведь я почти час проторчала в терминале Гатвика, в зале встречающих, а он так и не появился. Если он аферист, то какой смысл в этой афере? Что можно получить с меня, немолодой женщины без гроша за душой? От иностранки из России? Либо что-то случилось, либо я совершила очередную жизненную глупость, причем глупость масштабную.

Можно было предполагать, возмущаться, сокрушаться и прочая, но факт состоял в том, что я, зрелая женщина, покинула родную страну ради рискованного союза с английским подданным, Джеймсом Монтгомери, с которым познакомилась самым популярным способом двадцать первого века – по интернету, и теперь стояла в одиночестве на пустой набережной на берегу Английского пролива, не зная, что делать дальше.

Очередной порыв январского ветра добрался до моих несчастных костей и сподвиг на действие. Наручные часы показывали московскую половину десятого, значит, по Гринвичу – полседьмого. А город словно вымер. Ни машин, ни людей. Если я простою здесь, под фонарем, всю ночь, то к утру, в лучшем случае, схвачу воспаление легких, а в худшем – на набережной найдут мой хладный труп. Умирать мне вовсе не хотелось.

Мой телефон был бесполезен, исчерпав возможности батареи и финансов. Несколько звонков, сделанных в жесточайшем роуминге, напрочь убили его активность. Нужно добраться до ближайшего места, где есть живые люди, а там будет видно, что делать дальше. Я достала из сумки листок с адресом: 3, Woodcombe Drive, который мне ровным счетом ни о чём не говорил, сунула его в карман пальто и, подцепив сумку на плечо, двинулась по набережной в случайно выбранную сторону, таща за собой чемодан. Кажется, шла бесконечно долго, оставалась, поправляя сползающий с плеча ремень сумки, снова шла, удивляясь, что город вымер, словно все живое выдута из него ветром. Справа шумело невидимое в темноте море. Лишь огни фонарей, что строем вытянулись вдоль пирса, кривыми зигзагами отражались в воде. Немного успокаивал свет в окнах домов, как доказательство, что жители не покинули город, а лишь спрятались от темноты и холода январского вечера. Я шла, проклиная себя, Джеймса Монтгомери и высокие каблуки сапог – вырядилась ради жениха-англичанина! Что с ним могло случиться? Сердечный приступ, авария, катаклизм? Ремень предательски сполз с плеча, я не успела подхватить падающую сумку, она плюхнулась на мокрую мостовую, смачно гроыхнув, словно подала сигнал: напротив, витриной и нутром, светилась пиццерия. Я рванула к стеклянной двери, как к воротам в райский сад. Дохнуло теплом и одуряющим ароматом свежей выпечки. Я вдруг поняла, что ужасно, до тошноты хочу есть. Небольшой зал с разноцветными пластиковыми столиками, был пуст, лишь в дальнем углу сидел мужчина с кружкой в руке. За прилавком стоял другой, совсем не английского, скорее, арабского вида. Он что-то спросил, но из всей фразы я поняла лишь слово «мэм».

– Здравствуйте, – брякнула я, поздним зажиганием понимая, что говорю по-русски.

Араб уставился на меня и снова что-то сказал, а я вновь не поняла. К жизненному шоку добавился культурный.

Вздыхнув по методу Бутейко, попросила араба говорить помедленней. Сосредоточившись, все-таки уловила, что заведение скоро закрывается, и что, если я хочу купить пиццу, то она будет не очень горячей.

Собравшись с мыслями, спросила, как добраться до Вудкэм Драйв.

– Вудкэм Драйв? Это далеко, возле Сент-Хелен Вуд, вы можете доехать автобусом или взять такси, – объяснил араб, сверкая черными опасными глазами.

Я купила маленькую пиццу и, осмелев, попросила продавца вызвать для меня такси. Через четверть часа напротив кафе тормознул автомобиль неведомой марки. Признаться, я вообще не разбираюсь в марках автомобилей. Водитель был черен, как этот январский вечер.

– Куда едем, мэм? – спросил он, обернувшись, когда я устроилась на заднем сиденье. В очередной раз вздрогнув от «мэм», обращенного ко мне, протянула ему листок с адресом. Он что-то пробурчал, кивнул, завел мотор и лихо рванул с места.

За окном замелькали огни окон, темные кущи деревьев, проплыла глухая каменная стена, потянулась живая изгородь, блеснула вода, отразившая свет фар – какой-то пруд или озеро, затем – железнодорожный переезд. Впервые за последние несколько часов я вдруг осознала, что нахожусь в Англии, в далекой стране, что это невероятно и было бы чудесно, если бы не та неопределенность, в которую я попала. Машина свернула ещё и ещё раз в переплетениях улиц, затем по обеим сторонам потянулись чёрные силуэты деревьев, словно мы въехали в лес.

– Куда мы приехали? – спросила я, стараясь не выдать тревоги.

– Сент-Хелен Вуд, – буркнул водитель. – Куда хотели, мэм.

Еще один поворот, свет фар вырвал из темноты табличку с надписью «Woodcombe Drive», он остановил машину и повернулся ко мне.

– Приехали, мэм.

– Спасибо. Сколько я вам должна?

– Два фунта, ночной тариф...

Значит, восемь вечера у них уже ночь? Отдала таксисту две монеты, выбралась из машины и осталась одна на полутёмной улице, с одной стороны которой тянулись какие-то заросли, а с другой, за чёрной полосой живой изгороди, виднелись силуэты домов, оживлённые несколькими тепло светящимися окнами. Что делать, если в доме номер три меня не ждут или здесь совсем нет такого дома? Ночевать на улице или стучать в первую попавшуюся дверь? Нужно попросить таксиста подождать... Мысль была верная, но запоздавшая, огни авто уже мелькнули за поворотом, и я осталась одна на ветру, в переулке под названием «Лесной овраг», о котором столько нафантазировала, старая дура. Ветер ударил в лицо, вышибая слёзы. Вытерла их уже промокшим носовым платком и зашагала вперед. Впрочем, долго идти не пришлось, через несколько шагов изгородь оборвалась, открыв дорожку, ведущую к дому. В окне на первом этаже горел свет, его отблеск падал на белую колонну, поддерживающую козырёк над входом, и на цифру 3, начертанную на ней. Свет в окне обнадеживал, я немного постояла, дрожа от холода и волнения, и свернула к дому, таща за собой чемодан – он подпрыгивал на усыпанной мелким гравием дорожке, производя неприятный скрежет. Ничего, пусть обитатели дома услышат моё приближение! Возле двери поправила шапочку, стащила перчатки, провела ладонями по загоревшемуся жаром лицу, вдохнула-выдохнула и дёрнула за шнур колокольчика. Кажется, он отдался далёким звоном где-то в доме. Я снова дёрнула шнур, но никто так и не подошёл к двери. За спиной послышались шаги или мне это показалось? Я обернулась, дёрнулась, в отчаянии схватилась за ручку двери и чуть не упала, потому что она поддалась, открывшись. За спиной ухнул порыв ветра, зашумели, зашуршали листья, что-то хрустнуло,

словно сломалась ветка. Удержавшись на ногах, я замерла на секунду, затем шагнула вперёд в темноту, наткнулась на какой-то предмет, он упал, загремев, я застыла на месте и спросила:

– Это Вудкэм драйв, 3?

Никакого ответа не последовало, и я двинулась по направлению к свету, что узкой полосой падал из полуоткрытой двери. Остановившись на этой полосе, я громко сказала:

– Здесь есть кто-нибудь? Джеймс? Дверь была открыта...

И вновь молчание было мне ответом, хотя, грохот, произведенный неловким вторжением, мог бы разбудить и слона. Я осторожно открыла дверь и вошла в комнату. Свет исходил от большой настольной лампы, стоящей на журнальном столике. Судя по всему, комната являлась гостиной, и она была пуста.

Глава 3. Ленинград. Курсовая. Пролитый кофе

Пробравшись мимо Лёни, который рассказывал что-то забавное смеющимся приятелям, Ася рухнула на скамью возле Валентины, той самой третьей отсутствующей соседки по комнате. Недавно выйдя замуж, та была безнадежно беременна – беспомощно, отрешенно, многозначительно. Беременность с каждым курсом становилась все более популярным явлением, точными попаданиями пробивая бреши в стройных рядах девичьей половины факультета.

Валя подвинулась, завозила, устраивая себя в узком пространстве между столом и скамьей. Ася, положив на стол тубус, рассеянно ответила на дежурный вопрос подруги и усталилась на темноволосый Лёнин затылок – Акулов сидел в двух рядах впереди. Она зажмурилась, сосчитала до десяти, открыла глаза и вздрогнула – он обернулся и смотрел – нет, не на неё, куда-то мимо, улыбался – нет, не ей, а кому-то сидящему там... позади.

«Да ты хоть слышишь, что я говорю?» – донеслось до Аси – Валя пыталась пробиться сквозь чувственный туман, в котором плавала романтично одуревшая подруга.

– А? Что ты сказала? Прости, отвлеклась, задумалась... Спать хочется, – пробормотала Ася.

Лёня помахал кому-то рукой, скользнул взглядом по её лицу. Она вспыхнула и быстро отвела глаза, морщась и делая вид, что с огромным интересом рассматривает висящий на стене портрет профессора Белелюбского, инженера и учёного в области строительной механики и мостостроения. Профессор, утонувший в роскошных усах и бакенбардах, смотрел умно и укоризненно, возможно, осуждая легкомыслие особ женского пола, которые только и думают о своих сердечных делах, забывая о прекрасных инженерных конструкциях.

– О чем задумалась? Опять о своём Смоличе?

Ася пожалала плечами, – как-то, вернувшись из театра, она поделилась с подругами своим восторгом от игры и внешности актера Смолича, и теперь, время от времени выслушивая замечания и подколки девчонок, уже жалела о своих откровениях. А спорить с беременной, практически на сносях, женщиной было бы просто бесчеловечно.

– Как он сегодня там? – спросила Ася, кивнув на округлый живот подруги.

Тема была беспроектной – Валентина тотчас подхватила её.

– Пятками бьёт с утра, – любовно пожаловалась она, положив ладонь на живот, и мгновенно закрылась, замкнулась вдвоём с неизвестным человечком, что рвался выбраться на свет.

Ася улыбнулась, смутившись и, как всегда, стесняясь продолжать разговор на эту загадочную и хрупкую тему, замолчала, почувствовав себя глупой девчонкой.

Более того, в кармашке сумки ждал сегодняшнего вечернего часа билет на гастрольный спектакль МХАТа. Пьеса принадлежала перу модного драматурга, бросившего весь свой талант на разрешение производственно-моральных проблем, и Асе была хорошо знакома. Не то, чтобы ей нравилось вникать в хитросплетения и интриги, строящиеся на почве недостроенных объектов и переплаченных премий, но пьеса эта шла на сцене БДТ, и главную роль в спектакле играл Смолич – широко, пылко, страстно, пуская в ход весь арсенал своего артистического и мужского обаяния и темперамента. Ася смотрела этот спектакль три раза и решила оценить другую постановку, тем более что ведущую роль у москвичей исполнял знаменитый, очень популярный актер. Невысокий, полный, лысеющий, с высоким чуть хрипловатым голосом, больше спокойный, чем страстный, он являл собой полную противоположность Смоличу – как внешне, так и внутренне.

– Ась, ты сделала чертёж?

Голос Валентины вернул Асю с театральных небес на грешную скамью в шумной аудитории.

– Сделала, – кивнула она и стащила крышку с картонного тубуса, обнажив тугой белый рулон ватманов.

Меж тем из глубин старинного здания раздался сначала дребезжащий, но постепенно набирающий силу звонок – традиционный сигнал к началу пары, – и аудиторию накрыла последняя предстартовая волна шума – обрывки разговоров, грохот стульев, смех, торопливые шаги – и брызгами разбилась о высокую фигуру показавшегося в дверях профессора Залыгина, знаменитого в узких кругах инженеров-строителей грузного красавца с бурной кудрявой шевелюрой. Он мгновенно заполнил пространство собой, своим зычным голосом и неизбывной энергией.

– Ну-те-с, товарищи студенты, начнём, как сказали бы в незапамятные времена, помолясь, но, поскольку, в наши времена мы так не говорим, то просто начнём! – загромыхал он, добравшись до своего места и шумно отодвигая стул. Усевшись, он водрузил на нос очки в толстой оправе и обвел аудиторию взглядом добродушного удава, получившего в личное распоряжение полста кроликов разной кондиции.

Сдача курсового проекта – не меньше, чем ритуал, а работа над ним – лебединая песня поколений, бережно передающих из рук в руки опыт, архивы и народные изобретения. Это особый мир не ведающих покоя чертежных досок, истёрзанных рейсшин, неуклюжих рейсфедеров, беспринципных лекал, принципиальных линейек и угольников, дефицитных чешских карандашей «Кохинор» – каждый на вес золота – и ватмана, матово-белого, впитывающего мягкую черноту графита; мир бессонных ночей и дралоскопов – творения неизвестного умника-лентяя. Такие изобретения, песни и стихи называют народными. Лампа под стеклом, готовый чертеж, лист чистого ватмана и сдирай все до последней детали, только не раздави стекло. Дралоскопы ходили по общежитию из комнаты в комнату, на пользование ими выстраивались очереди.

И веяние времени – расчет строительной конструкции на ЭВМ. Это означало записаться на ценное машинное время, достать перфокарту с программой, а затем в зале, под гул огромных вычислительных агрегатов, названных нежным именем Наири, ввести данные с помощью печатной машинки с заедающими клавишами и, если все прошло удачно, бездельничать пару часов, наблюдая, как машина выпускает многометровую бумажную портянку с расчетами.

Объяснив Вале суть сделанного чертежа, Ася ринулась занимать очередь к профессору. После его вступительной речи аудитория слегка опустела – кто-то отправился в предбанник доделывать или досписывать курсовой проект, кто-то, заняв очередь, потянулся в столовую утолить вечный голод молодого организма. Желающих сдать проекты оказалось не так уж много.

– Жень, кто последний? – спросила Ася у вездесущего старосты их группы Женьки Несмелова.

– А ты не заняла? Давно же пришла. Вроде, Утюг?

– Не так, – откликнулся долговязый Миша Утюгов и махнул рукой. – Акулыч за мной... спроси у него.

– А... – задохнувшись, Ася замолчала, кивнула и повернулась по направлению, указанному Утюгом. Разумеется, там находился Лёня, беседующий с первой красавицей потока Еленой Кондой. Ася уже было решила не подходить к милой парочке, но Елена, одарив собеседника очаровательной улыбкой, ушла, и Лёня остался в одиночестве. Решенная дилемма «подойти-не подойти» ухнула в тартарары, но тотчас возникла другая – с одной стороны появилась возможность заговорить с предметом обожания, с другой – вероятность упасть в грязь лицом перед этим предметом. Пока Ася решала очередную задачу, неожиданно пришёл на помощь Утюгов, заорав на всю аудиторию: «Акулыч, ты последний на сдачу?»

– Утюгов, покиньте аудиторию! – бас возмущенного профессора перекрыл старания Михаила.

Как в омут головой Ася сделала несколько шагов в сторону Лёни, который теперь смотрел на нее. Синими-синими глазами.

– Ты последний? – спросила она, почти спокойно, почти равнодушно, надеясь, что не слишком краснеет.

– Я крайний, – усмехнулся он.

– Хорошо, я за тобой, – голос чуть сорвался, но она взяла себя в руки.

– Как угодно. У тебя все готово? – равнодушно спросил он.

– Да, кажется, да...

Он улыбнулся, кивнул и отвернулся – кто-то позвал его. Отошел, а Ася осталась стоять, словно пригвожденная к месту. Не поговорила и не упала в грязь – произошло третье, худшее, ему было всё равно. Хотя, разве она ожидала чего-то другого? Разве она способна заинтересовать такого парня? Да и нужно ли ей это? Асе всегда не везло – она влюблялась безнадежно и безответно, а если случалось так, что вероятность ответа с мужской стороны существовала – природная застенчивость и неуверенность в себе и своей привлекательности дружным тандемом делали свое черное дело, уничтожая любую перспективу. И конечно же, успешно срабатывал закон несовпадения желаемого и действительного – те, кто нравились ей, были недостижимы, те, кому нравилась она, были неинтересны.

Взглянув на профессора Белелюбского, который, словно Джоконда, ловил взгляд зрителя, Ася с трудом удержалась, чтобы не показать ему язык, и вернулась на свое место к Валентине, крайне взволнованной пятками наследника и незаконченным расчетом мостовой фермы.

Но, несмотря ни на что, день все-таки задался. Во-первых, Ася сдала курсовой проект на четверку, что являлось непростым делом – Залыгин был требователен вообще, а к слабому полу особо, поскольку был убежден, что из женщин никогда не получают хорошие инженеры. Во-вторых, ожидая своей очереди, она минут двадцать сидела за одним столом с Лёней, трепеща от его близости и разглядывая требующую бритья и оттого особенно привлекательную щеку. Она даже обменялась с ним несколькими фразами, легко и непринужденно. Ладно, почти легко и почти непринужденно. Лёня сказал что-то остроумное, она засмеялась, а профессор Залыгин сделал им замечание, пообещав выгнать обоих. Это «выгнать обоих» в Асиной голове зазвучало цветаевски-тухмановским «...этот, этот может меня приручить...» из любимого альбома «По волне моей памяти». Много ли надо глупой влюбленной девчонке?

В-третьих, через несколько часов она будет сидеть на галерке зала ДК Ленсовета и смотреть спектакль. В-четвертых, в «Котлетной» на углу Московского проспекта, куда они с Валею забежали перекусить, не оказалось традиционной очереди, но в достатке – знаменитых котлет, вкусных, сочных, горячих, Ася даже позволила себе роскошь – взяла целых две и стакан густого дымящегося кофе с молоком.

Общую картину подпортил то ли дождь, то ли снег, манной посыпавшийся на головы измученных погодой питерцев-ленинградцев, и расплзшаяся молния на сапоге. На площади Мира подруги расстались, Валентина поехала домой на Охту на метро, а Ася – на трамвае, который, ходко покачиваясь, застучал колесами по Садовой мимо серых доходных домов, мимо облупленных стен Апраксина двора, решеток Суворовского училища и приземистых арок Гостиного, проскочил шумный Невский, утонченную Итальянскую, обогнул вычурную решетку Михайловского сада, оставляя справа красные стены и шпиль замка, последнего пристанища императора Павла, и, миновав дугу Первого Садового моста, вырвался на простор Марсова поля. Справа за полосой Лебяжьей канавки потянулись черные силуэты кленов Летнего сада, замелькали ящики на постаментах – еще закрытые на зиму статуи.

Ася смотрела в окно, думая о Лёне, Смоличе, сломавшейся молнии, отсутствии целых колготок, трех рублей, оставшихся в кошельке, и десяти днях, оставшихся до стипендии.

За окном расплескался простор Невы – трамвай въехал на Кировский мост. Полотно серых туч вдруг порвалось, словно невидимая рука вытянула нитку из плохо зашитого шва, и

через голубую прореху слепящим золотом хлынули лучи солнца, ослепив, ударились о трамвайное стекло, на мгновение зажгли шпиль Петропавловки, блеснули по холодной ряби невиской воды и исчезли, словно их и не бывало. Небесный портной вновь аккуратно зашил дыру в небесах, пеняя солнцу на устроенное безобразие.

Когда Ася вышла из трамвая напротив мечети, нарядно-голубой даже в непогоду, с небес вновь посыпалась противная колючая морось. В полурасстёгнутый сапог попала вода, захлопала, пропитывая носок. Очередная простуда обеспечена – Ася умудрялась болеть ежемесесячно, так и не привыкнув к недоброму питерскому климату, несмотря на то что родилась и выросла не на юге. До общаги добиралась почти бегом, взлетела по скрипучей лестнице, открыла дверь в комнату и остановилась, не сдержав изумленного «Ох!», уронив пустой тубус, который попытался прокатиться по полу, но наткнувшись на собственную ручку, замер, обиженно качнувшись.

Асин «ох» нарушил любовную идиллию, что царила в комнате – двое в костюмах «в чем мать родила» шарахнулись друг от друга, загремел в панике задетый и упавший с тумбочки будильник-неудачник, жалобно звякнула кроватная пружина, и лишь четкий ритм Eruption, слетающий с катушек стоящего на столе магнитофона, упрямо пытался собрать остатки сломанной гармонии, предлагая «one way ticket to the blues».

Пометавшись, Ася отвернулась к окну, ожидая, когда застигнутая врасплох парочка куда-нибудь скроет свою наготу.

– Можно было хотя бы дверь закрыть... – пробормотала она, обращаясь к оконному стеклу, забрызганному каплями дождя.

За спиной возились и перешептывались. Совершенно дурацкое положение, нужно было сразу уходить. Зачем она застряла в комнате? «Растерялась», – пояснила сама себе Ася.

– Да ладно, Аська, кто ж знал, что тебя принесет! – подала голос виновница инцидента, Лариса, Лёлина приятельница.

– Живу я здесь, между прочим! – сердито сообщила окну Ася и повернулась.

Растрепанная Ларисина голова, вся в мелких кудряшках химической завивки, торчала из-под одеяла, в недрах которого скрывалось все остальное, в том числе и мужская половина порушенной идиллии, пожелавшая сохранить инкогнито.

– У меня ноги промокли, молния на сапоге сломалась... Вернусь через полчаса, – сообщила Ася, залившись по уши краской, подняла с пола тубус, бросила его и сумку на тумбу в углу и вышла, чрезмерно аккуратно закрыв за собой дверь.

В коридоре было пусто, на кухне истошно свистел чей-то чайник, требуя внимания. Ася отключила газ, свисток благодарно сдулся и затих, выпустив через носик последнюю струйку пара.

Соседняя дружественная комната была закрыта, а в комнате напротив бренчали на гитаре – третьекурсница Ирка слушала не слишком верные, но душевные напевы Игоря Дагмарова – он недавно расстался с девушкой, с которой встречался пару лет. Ради Ирки, говорили злые и не очень языки. Посидев с ними минут пять, Ася ретировалась, прошлась по скрипучему полу коридора, постояла у разбитого окна, откуда остро тянуло влажной свежестью. Горькой холодной волной накрыла обида – из-за сломанной молнии и мокрых ног, из-за «всех подружек по парам, а я засиделась одна», из-за синих равнодушных глаз Лени и бездомной неприкаянности. За обидой последовали слезы – набухли соленой волной, поползли по щекам, пощипывая разгоряченное лицо. Ася шмыгнула носом, полезла в карман за платком, не нашла, прижала ладони к щекам, надеясь, что не потекла тушь.

– Куришь? – раздалось за спиной.

Резко обернулась, рядом на подоконнике устраивался Саша Веселов, высокий широкоплечий парень с пятого курса.

– Нет, не курю, просто... воздухом дышу, – ответила она, отворачиваясь, – слезы чуть подсохли, но не факт, что не оставили следов туши на лице. Пальцами провела под глазами.

– Пойду, не буду мешать.

– А ты мне не мешаешь, – сказал он, закуривая. – Хочешь? Мальборо, классные, у фарцы доставал.

– А давай, – вдруг согласилась Ася, наполнившись духом «будь-что-будет», и осторожно вытащила сигарету из протянутой Сашей пачки. Она сильно рисковала опозориться, поскольку опыт курения у нее был невелик: в школе на выпускном, да пару раз в колхозе на картошке, с кашлем и тошнотой – с тех пор не пыталась даже на вечеринках. Неловко и неуклюже, но все-таки раскурила сигарету от тонкой струйки пламени Сашиной зажигалки, осторожно затянулась, выпустила дым, сдерживая уже подступающий кашель. Мимо промчалась, спускаясь с пятого этажа, компания хохочущих девчонок. Веселов проводил их взглядом, прищурившись, глянул на Асю.

– Что-то мы редко встречаемся, все дела, дела... – сказал, растягивая слова, будто ему было лень говорить.

– А где же мы можем встречаться? – удивилась Ася и тут же поправилась, поздним зажиганием поймав двусмысленность вопроса. – То есть, почему мы должны встречаться?

– Ну, где угодно, если пожелаешь... – ответил он.

Ася уставилась на случайного собеседника. Нарвалась, что называется. Этого еще не хватало! Только не этот... Она держала сигарету, не зная, что делать дальше, жалея о спонтанном согласии покурить. Уйти было неловко, курить и поддерживать разговор, направившийся не в то русло, не хотелось. «Будь-что-будет» получилось неудачным, обострив ощущение неполноты собственной жизни.

– А ты курить не умеешь... – усмехнулся Саша, добавив горечи в Асину чашку.

– Ну да, не умею, а что? – с вызовом спросила она и решила: – И вообще, мне идти надо. Спасибо. Пока. Извини.

Она потушила сигарету, сунув ее в консервную банку с окурками, и пошла прочь.

– Так ты не ответила, как насчет встретиться? – ударило ей в спину.

– А ты хоть знаешь, как меня зовут? – спросила она, обернувшись.

– Не вопрос. Ну так что?

– Нет, спасибо, нет... – быстро сказала она и помчалась по коридору, хлюпая расстегнутым сапогом.

Лариса сидела в убранной комнате, суровая и одинокая, удачливый воздыхатель умчался в неизвестном направлении, трофеем оставив на столе магнитофон.

– Куда ты запропастилась? У меня же и ключа нет от вашей комнаты, Лёлька меня оставила, сама убежала и ключи унесла.

– Я же еще и виновата! – буркнула Ася.

– Ладно, не злись, это ты нам весь кайф поломала.

– Ну извини, надо было табличку на дверь повесить: «Не ломайте кайф, убьет!» – съязвила Ася.

Лариса хмыкнула, ничуть не смутившись – смущение не состояло в списке её характеристик, как, впрочем, и постоянство.

– И даже не спросишь, с кем я была? – поинтересовалась она, подходя к двери.

– Нет, – мотнула головой Ася.

Если это её и интересовало, то на данный момент в последнюю очередь. Едва за Ларисой закрылась дверь, она скинула пальто, глотнула воды прямо из носика чайника, пытаясь разбавить горечь, оставшуюся во рту после сигареты, и занялась молнией, пытаясь высвободить мокрую ногу из плена сапога.

Когда вернулась Лёля, Ася спала, свернувшись клубочком на кровати, на полу валялся сапог с поломанным замком, а боевой трофеей – магнитофон «Комета» перематывал тонкую коричневую ленту пленки, с которой текло мелодичное «Cos for twenty-four years I've been living next door to Alice...».

Ася проснулась, падая со скалы, о подножие которой разбивались черные волны, разбивались и уползали, чтобы вновь вернуться и по-мазохистки добровольно удариться о каменную грудь. Причины падения Ася не знала – ей никогда не удавалось запоминать сны. Иногда она тщетно пыталась ухватить сновидение за хвост, вернуть его, но в данном случае этого совсем не хотелось: она облегченно вздохнула, обнаружив себя в своей комнате, уже погруженной в полумрак, лишь над Лёлиной кроватью теплился круг света от маленькой бра. Подруга читала, носом уткнувшись в книгу. За облегчением пришла паника. Ася схватила часы, лежащие на столе. Без четверти семь! А спектакль начинается в половине восьмого. Она вскочила, заметалась, закружила по комнате.

– Аська, что, что случилось? – подала голос Лёля, оторвавшись от книги.

– Опаздываю! Почему ты меня не разбудила? Я ведь четыре часа продрыхла...

– Куда опаздываешь?

– В театр же, я тебе говорила, ты же отказалась идти!

– Ох, ну забыла я, – виновато протянула Лёля, откладывая книгу. – Тебе куда ехать?

– В Ленсовета.

– Тем более, – умиrotворенно протянула подруга. – Не вижу причин для паники. Успеешь.

Причин паниковать на самом деле не было – одна станция метро и вот он, ДК Ленсовета – но на сапоге окончательно сломан замок, и голова гудела после сна – не зря мудрая Асина бабушка никогда не давала ей спать в предвечернее время, когда солнце клонится к закату.

Ася умылась и застряла у зеркала, в простенке между шкафом и кухонной полкой, восстанавливая порушенный сном макияж и критически разглядывая себя. Коротко подстриженные волосы неопределенного цвета, который называют русым, мальчишеское лицо – когда Ася надевала куртку и брюки, ее иногда принимали за мальчика – прыщик на подбородке, упорно возвращающийся на свое место, несмотря на все ухищрения, румянец на щеках – не от здоровья, а от того, что болела голова. Ася потрогала лоб, с тоской подумав, что, кажется, опять поднимается температура. Простыла, пока прыгала в мокром сапоге. Вздохнула, подправив подводку на левом глазу, заморгала от попавшей в глаз туши, едва сдержав слезу. Испорченный сапог так и не просох, но ни другой пары, ни времени найти что-то на вечер уже не было. Лёля носила обувь на два размера больше. Ася надела сапог, села на стул:

– Зашивай!

Лёля стянула замок крупными стежками, пару раз попав иголкой в ногу. Когда работа и сборы были закончены, времени осталось ровно столько, чтобы добежать до метро и впритык приехать в ДК. Ася влетела в здание дворца культуры, и в фойе настойчиво зазвенел звонок, созывая зрителей на места. Сдав пальто, она поправила влажные от спешки волосы и поднялась наверх, в бельэтаж, по пути купив у потрясающе питерской старушки-капельдинера программку. Едва устроилась на своем месте, как сверкающая люстра под потолком начала меркнуть, погружая зал в темноту, тяжёлые багровые полотнища занавеса медленно расползлись по сторонам, а на открывшейся взорам сцене софиты высветили декорацию, в которой и проходил весь спектакль – купе вагона, несущего персонажей навстречу судьбе и производственному конфликту.

Московский актер играл совсем иного героя. Он был убедителен, он искренне терзался сомнениями и боролся за то, что считал правильным, но пьеса приобрела другое звучание, в ней не было той страсти, пропал тот пульс, который заставлял биться пылкий Смолич. Так думала Ася, смотря на сцену и представляя там, в кругу прожектора, другого актера и злясь на

себя оттого, что снова простыла, и что поднимается температура. Было жарко и душно, пылали щеки, боль стучала в висках, пересохло во рту и очень хотелось есть.

В антракте Ася отправилась в буфет, решив позволить себе, несчастной простуженной, чашку кофе, бутерброд и пирожное. Пока спускалась с бельэтажа, в буфете уже выстроилась очередь желающих отведать театральных закусок – здесь всегда продавали свежайшие пирожные буше, манящие теплым шоколадным блеском, пышные эклеры и скромные, но не менее аппетитные песочные полоски в глазури, а в воздухе витал кофейный аромат. Ася пристроилась в конец очереди, за немолодой парой, беседующей о достоинствах и недостатках МХАТа, он – в костюме в полоску, она – в длинном вечернем платье, ажурной плетеной шали, накинутой на плечи и туфлях на высоком каблуке – словно странные птицы среди разношерстной, по-будничному одетой публики.

«Наверное всё-таки жаль, что посещение театра перестало быть праздником, требующим наряда, галстуков, каблуков и причесок, – подумала Ася, взглянув на свои сапоги. – С другой стороны, хорошо для тех, у кого нет не только вечернего платья, но и приличной обуви».

Добавив к списку недостатков непослушные волосы, которые сейчас наверняка являли собой что-то недостойное, пылающие жаром щеки и самодельный свитер, Ася совсем загрустила и чуть было не удрала на свое место в бельэтаже, но жажда и неожиданно быстро продвинувшаяся очередь, остановили порыв. За спиной беседовали мужчина и женщина, обсуждая спектакль, у мужчины был приятный, и почему-то знакомый баритон. Асе очень хотелось обернуться и посмотреть на обладателя этого баритона – он не мог быть ни одним из знакомых, потому что рассуждал о театре с уверенностью знатока, а таковых в Асином окружении не имелось.

Тем временем подошла её очередь, и буфетчица поставила на стойку пирожное буше на кружевной бумажной тарелочке и ароматно благоухающий кофе в белой чашке с золотым ободком. У Аси даже закружилась голова. Расплатившись, она накинула на плечо ремешок сумки, одной рукой, словно жонглёр, подхватила тарелку, а другой взялась за край блюда. Увидела освободившийся столик, заспешила и, развернувшись, столкнулась с человеком, что стоял позади нее. Чашка качнулась, ложечка звякнула о блюдце, и горячий кофе выплеснулся прямо на брюки мужчины.

– Ох, простите... – простонала жонглёрша-неудачница и взглянула на пострадавшего – он был высок ростом, одет в шикарный бархатный пиджак баклажанного оттенка, и это был не кто иной, как Георгий Смолич. Вот почему голос показался Асе знакомым! Все это время Смолич стоял за ней в очереди, а ей и в голову не пришло, что это он, пришедший посмотреть спектакль своего коллеги.

– Осторожней, девушка! – возмутился Смолич, морщась, отряхивая брюки и глядя на Асю невозможно синими глазами, а она, тупо уставившись на него, пыталась вернуть себе способность говорить.

– Простите меня, пожалуйста... – наконец промямлила она.

– Какая вы неловкая! – с укором глядя на Асю в разговор вступила спутница Смолича, высокая красивая брюнетка.

Ася совсем смешалась, желая одного – исчезнуть, раствориться в пространстве, чтобы на неё не гладели со всех сторон, и, главное, чтобы вот так не смотрел Смолич.

– Давайте я... – начала было Ася и замолчала, совершенно не представляя, что можно предложить Смоличу. Постирать его брюки? Повернуть время вспять? Или попросить автограф?

– Вы будете заказывать? – нетерпеливо поинтересовалась буфетчица, игриво улыбаясь Смоличу. – Какая девушка неловкая!

Вероятно, у Аси был такой несчастный вид, что Смолич вдруг улыбнулся, нет, скорее, усмехнулся краешком рта, отчего ей стало совсем плохо.

– Не переживайте, бывает... – сказал он, дотронувшись до её руки, и повернулся к буфетчице: – Два кофе и...

Что он заказывал, Ася уже не слушала, поплелась к свободному столику и расставила на нем свои закуски, заманчивость которых катастрофически померкла. Пока она скучно жевала пирожное, запивая остатками кофе, зазвенел звонок, оповещающий о конце антракта. Правда, тающее во рту буше несколько подняло упавший дух, и она даже обернулась, найдя глазами Смолича и его спутницу – они устроились за соседним столиком и негромко смеялись, возможно, обсуждая бестолковость нелепой девицы, а, может, уже и забыв о ней.

Второй акт Ася смотрела невнимательно, думая о Смоличе и пролитом кофе. Голова разболелась еще сильнее. Нарушив свой принцип никогда не покидать зрительного зала, пока не закончился спектакль, она ушла за пять минут до конца, не поаплодировав актерам, спустилась в полупустой гардероб, присоединившись к компании спешащих убежать до того, как опустится занавес. На улице в пылающее лицо ударил брызгами дождя холодный ветер, проспект светился огнями окон, в мокром асфальте размытыми пятнами отражались фонари. Ася нырнула в тёплые недра метро, и вскоре вагон понес её в сторону Горьковской, убаюкивая мерным покачиванием и стуком колес.

Глава 4. Гастингс. Дом номер три

Я сделала несколько шагов, оставляя мокрые следы на полу, и застыла посреди комнаты в полном недоумении и смущении. Либо хозяин дома – Джеймс уверял меня, что живет один – заснул где-нибудь наверху, оставив свет включенным, либо не заснул, а просто куда-то вышел и, возможно, скоро вернется. Может быть, он вышел встретить меня, но в этом случае либо мы разминулись, либо он не добрался до места встречи. И почему не заперта дверь? Версий и вопросов было много, а выход один – остаться здесь, в доме номер три на Вудкэм Драйв и ждать развития событий или просто рассвета. Мне было некуда идти.

Я зашла в прихожую, нашла выключатель, что оказалось нетрудно – он светился красным диодом на стене, – вернула на место два зонта и стойку для них, которую уронила при вторжении. Затем вышла на улицу убедиться, что глаза меня не обманули, и на белой колонне крыльца действительно написана цифра три. Буря от души крыла небо мглою. Вернулась в дом, сняла пальто и шапку, повесила их на вешалку, достала из чемодана тапочки и переобулась. Присела на пуфик, прислушалась – в доме царила полная тишина. Надеюсь, здесь не обитают привидения? Хотя, привидения традиционно живут в замках, а не в частных домах в переулках. Осмотревшись, обнаружила, что в прихожей, кроме входа в комнату, которую посчитала гостиной, имеется еще две двери, обе плотно закрытые, и узкая лестница, ведущая наверх. Поставив чемодан в угол, вернулась в гостиную.

Будь я в уравновешенном состоянии, то решила бы, что она вполне уютна. Уже упомянутая лампа с матовым абажуром, формой напоминающим летающую тарелку, освещала комнату приятным теплым светом. Посередине стоял коричневый диван, на котором небрежным ярким ворохом лежал плед в черно-красную клетку. На полу – ковер с геометрическим рисунком, напротив дивана – небольшой телевизор. Здесь имелся самый настоящий камин, с полкой и какими-то фигурками и подсвечниками на ней, с каминной решеткой и щипцами, дальними родственниками русской кочерги. Слева от камина – большая картина в тяжелой раме. Я не могла разглядеть, кто на ней был изображен, так как стена тонула в полумраке. Настоящая английская гостиная во всей красе. Здесь я могла бы жить какое-то время или остаться навсегда. Нужно продержаться до утра, а там все будет мудренее. Или мудрёнее.

Я осторожно села на диван, затем устроилась поудобней. Напротив, кроме телевизора, оказалось окно, шторы были задернуты лишь наполовину, снаружи в темноте ветер раскачивал и гнул деревья, их ветви то причудливо изгибались, то тянулись куда-то, словно пытаясь достать недостижимое. Снова стало страшно, почувствовала себя одинокой травинкой в огромном чужом поле на холодном ветру. Впрочем, справедливости ради, ветер бушевал за стенами вполне теплого дома, а сравнение с травинкой выглядело сомнительно: мои семьдесят кило живого веса при росте немногим более полутора метров, скорее, создавали образ хорошо упитанного гриба, а с учетом каштанового цвета волос, хорошо упитанного красноголовика.

Так я просидела около получаса, даже задремала и проснулась от какого-то звука, то ли треска сломанной ветром ветки за окном, то ли стука в доме. Вышла, постояла в полумраке прихожей, не зная, что предпринять, осторожно постучала в одну из закрытых дверей и, не дождавшись ответа, вошла. В комнате было темно, но свет фонаря, качающегося за окном, осветил длинный стол со стульями и контуры картин на стенах. Скорее всего, это была столовая. Другая комната, в которую я вошла уже почти без опаски, оказалась кухней, огромной по моим меркам. И окончательно набравшись смелости, поднялась по ступенькам, обтянутым ковровым покрытием. Признаков жизни не обнаружилось ни на втором, ни на третьем этажах. Несолоно хлебавши вернулась в гостиную, как в последний оплот, на уже облюбованный диван. «Ничего, как-нибудь выживу, не в первый раз», – повторяла я себе. Седина в голову, бес – в мозг. В конце концов усталость взяла свое, и я уснула, укрывшись пледом.

Спала я на удивление крепко, несмотря, а, может, и благодаря разнице в часовых поясах. Проснулась из-за того, что потеряла ощущение присутствия собственного тела – затекло все, от шеи до пяток, а правую руку пришлось массировать, чтобы она обрела подвижность. В утреннем свете, льющем из окна, гостиная выглядела иначе, чем вечером. Исчезли тёмные углы, обозначились фигурки на каминной полке, а картина оказалась портретом утонувшего в кружевном воротнике полнокровного рыжеволосого мужчины средних лет, похожего на короля Генриха, у которого было шесть жен. Неужели это предок Джеймса Монтгомери?

Судя по тишине, царящей в доме, никто либо не вернулся, либо не проснулся. Прodelав свои обычные утренние упражнения: взмах руками, пожатие плечами, два наклона, три прыжка, занялась утренним туалетом. Подниматься вверх не рискнула, умылась и привела себя в порядок в крошечной туалетной комнате рядом с кухней. В прихожей обнаружился столик, на котором лежали какие-то открытки и письма, и стоял телефонный аппарат. Поколебавшись, набрала мобильный номер Джеймса, но несколько попыток закончились ничем. То ли не отвечал его телефон, то ли я сделала что-то неправильно.

Просторная кухня была разделена на две части длинным прилавком, который отделял рабочую зону с плитой и шкафами от обеденной, где находился стол со скамьей и стульями. Такое я прежде видела только в журналах и в кино.

Но самым удивительным было настоящее французское окно – высокая стеклянная дверь, ведущая в сад, точнее, в садик, окруженный живой изгородью, с ярко зелёной, ровно подстриженной травой и кустами с багрово-красными листьями. Ночная буря стихла, словно и не бывало, небеса за стеклом наполнились мирной синевой, а в мокрой траве блестели крошечные бриллиантовые капли-бусинки.

На кухне царил порядок. Стол и прилавок сияли чистотой, тарелки ровными рядами теснились в сушилке, кружки висели на подставке, зацепившись ручками. Электрический чайник, стеклянная банка, набитая пакетиками, банка с какой-то золотисто-жёлтой субстанцией выстроились на прилавке, никелированный заварочный чайник отражал солнечный луч тугим металлическим боком. Мирная картина мирного дома, в который вторглась пришельца из иного мира. Стрелки часов, тикающих на стене, показывали восемь, значит, в Питере сейчас одиннадцать. Неужели еще вчера я стояла на пороге своей квартиры, окидывая ее прощальным взглядом? Казалось, что с того момента прошли месяцы или годы. Как странно распоряжается со временем жизнь: то оно тянется, словно тугая жвачка, то несется с реактивной скоростью, то сгущается, концентрируется, и одни необычно прожитые сутки вмещают в себя множество обычных будничных дней.

Я застряла на кухне, у французского окна, смотрела на кажущийся ненастоящим пейзаж, размышляла о странностях жизни, о том, что делать дальше, и не будет ли преступлением согреть себе чаю, поскольку, несмотря на неопределённость положения, хотелось пить и есть. К сожалению, никогда не страдала отсутствием аппетита, оттого и потеряла былую стройность. В конце концов решила, что небольшой завтрак будет компенсацией за пережитые и переживаемые волнения, а на пустой желудок трудно принимать решения. Наполнила водой и включила чайник, нашла в шкафу пакет с тонко нарезанным хлебом – тостами, а золотисто-жёлтая масса в банке оказалась апельсиновым мармеладом. Заглянула в холодильник, хозяйственно наполненный всевозможными продуктами, но трогать ничего не стала.

Через четверть часа устроилась за кухонным столом с кружкой и тостом, с удовольствием глотнула крепкого чаю. Следующим глотком поперхнулась, потому что шелкнула входная дверь. Осторожно поставив кружку на стол, я поднялась, пытаясь дышать ровно и удержать буйно запрыгавшее сердце. Из кухни выходить не пришлось, на пороге появилась женщина и уставилась на меня, как на привидение, и, думаю, мой взгляд был немногим лучше. Невысокая, худощавая, лет сорока, в джинсах и мешковатом свитере, в одной руке сумка, в другой – бутылка молока.

– Что вы здесь делаете?! – взволнованно спросила она. – Как сюда попали?

– Приехала... вчера, – ответила я. – Здравствуйте, доброе утро, как поживаете?

– Откуда приехали? – она наморщила лоб, словно пытаясь что-то вспомнить или сообразить.

– Меня зовут Ася, Анастасия Зверева. Я приехала из России, – сказала я. – Вчера. Вы здесь живете? Я сейчас все объясню.

Хорошо, что я её понимала, во всяком случае, пока. И кто она такая, жена или подруга? И туда ли я попала...

– Из России? К Джеймсу? Почему? И где он? Джеймс! – закричала она в пространство дома.

– Я не знаю, где он, может быть, спит там, наверху, – осторожно предположила я. – Я приехала вчера, он меня не встретил в Гатвике. Я приехала на такси сюда, дверь была открыта, я зашла, спала на диване... в гостиной, там, – махнула рукой в направлении, где должен был находиться упомянутый диван. – Хозяина дома зовут Джеймс Монтгомери? Это дом номер три, Вудкэм Драйв?

Она кивнула, затем покрутила головой, то ли потеряла дар речи от услышанного, то ли не совсем поняла сказанное.

– Вы понимаете меня? – спросила я на всякий случай. – Я плохо говорю по-английски.

– Да, понимаю, – ответила она. – Но я ничего не понимаю. Почему вы приехали к Джеймсу из России?

Она опустила сумку на пол, а бутылку поставила на прилавок. Я же, путая существительные, времена глаголов и порядок слов, продолжила объяснения и вопросы.

– Я должна спросить у Джеймса, – заявила она, после того как я, обливаясь потом от усердия, закончила свою речь. – А как вы попали в дом?

– Дверь была открыта, я вошла, было уже поздно, я не знала, что делать.

– Он должен был вас встречать и не встретил? Странно. Он ничего такого не говорил.

Непохоже, чтобы она была его женой, у любой приличной жены мой рассказ вызвал бы более бурную реакцию. Или так ведут себя английские жёны? Я все-таки решилась задать мучающий меня вопрос.

– Можно узнать, кто вы?

– Кто я? – она удивилась, словно я должна была знать это с самого начала, но почему-то скрывала. – Миссис Хоуп, – после паузы представилась она. – Я здесь работаю, убираю, готовлю.

Я облегченно улыбнулась, она в ответ чуть скривила губу.

– Так вы не знаете, где может находиться мистер Монтгомери? – спросила я.

– Нет, я не видела его... вчера, хм... нет, не видела. Поднимусь наверх, посмотрю. А вы сидите здесь и не вздумайте ничего трогать. Иначе я вызову полицию.

Именно этого мне и не хватало. Я послушно опустилась на стул и хлебнула остывшего чая. Есть расхотелось. Возможно, сейчас сверху спустится заспанный Джеймс Монтгомери. Или миссис Хоуп отправилась вызывать полицию? Пока я размышляла, не собрать ли вещи и не удрать ли прочь, она показалась на лестнице.

– Наверху хозяина нет. И он, кажется, не ночевал дома.

– Так я же вам говорила! – нелогично воскликнула я.

– Вы? Я не знаю, кто вы.

– Могу показать паспорт.

– Покажите, – согласилась бдительная миссис Хоуп.

Изучение моего паспорта не вызвало у нее приступа доверия, но пробило меня гениальной идеей.

– Может быть, вы позвоните мистеру Монтгомери? – спросила я.

Она замялась.

– Никогда не звоню ему, да и зачем. У меня и номера его нет.

– У меня есть. Позвоните?

Ей ничего не оставалось, как согласиться с моими доводами, но это был единственный положительный результат от моей гениальной идеи. Попытка дозвониться закончилась неудачей. Механический голос в трубке заявил, что аппарат абонента отключен. Миссис Хоуп смотрела на меня с подозрением и неодобрением и была в этом права. Как можно верить и одобрять незнакомую иностранку-авантюристку, вторгнувшуюся в жилище англичанина, которое, как известно, является его крепостью?

– Мистер Монтгомери знал, что вы приедете? – с упорством детектива спросила она.

– Знал, конечно, знал. Вчера я разговаривала с ним по скайпу, он обещал встретить меня, он должен был встретить, – с упорством невинно подозреваемого ответила я.

Вероятно, она мало понимала мои неумелые речи. Или имела виды на своего работодателя, а я перешла ей дорогу?

– По скайпу, вы говорите? – миссис Хоуп явно оказалась перед серьёзной дилеммой. Не будучи хозяйкой дома, она не могла просто выгнать меня на улицу – а вдруг все, что я говорю, окажется правдой, но с другой стороны, оставить меня в доме, не будучи уверенной, что я не мошенница, было опасно. Конечно, я не могла прочесть ее мысли, но на ее месте размышляла бы именно так. Хотя, возможно, следовало сделать поправку на менталитет.

– Если мистер Монтгомери не отвечает, возможно, с ним что-то случилось, – сказала я. – Вдруг он попал в аварию? Он бы поехал на машине встречать меня? Какая у него машина, и где она?

Я повторила эти слова дважды, чтобы она поняла и перестала связывать исчезновение своего работодателя с моим появлением. Речь произвела эффект.

– Машина! – воскликнула миссис Хоуп. – Я не видела его машины напротив дома!

Она кинулась к выходу, я последовала за ней. Экономка быстро прошла по дорожке, остановилась в проходе в живой изгороди, оглядываясь, затем так же быстро вернулась.

– Он оставляет машину напротив дома или ставит в гараж. Но сейчас машины нет. А вчера вечером вы видели его машину?

– Не знаю. Было темно, ветер и незнакомое место.

Она мрачно взглянула на меня и медленно произнесла:

– Молоко стояло на крыльце. Джеймс обычно забирает его рано утром. Посмотрю в гараже.

Молоко... При чём здесь молоко? Я не сразу сообразила, что она говорит о пакете молока, которое, видимо, поставили утром под дверь. О, английские традиции! Неужели эта утренняя доставка молока до сих пор существует? С трудом удержалась, чтобы не высказать неуместное удивление-восхищение.

Мы вернулись в дом и прошли на кухню. Небольшой гараж прятался среди экзотических кустарников на заднем дворе, куда мы вышли через французское окно из кухни. Шторка гаража была спущена до земли. Экономка поскребла шторку ногтем, пожала плечами и сообщила, что понятия не имеет, где находится ключ.

– Я не знаю, что случилось, – сказала она, возвращаясь в дом.

– И я не знаю...

Я хотела добавить, что не знаю и не представляю, что делать дальше: то ли ждать Джеймса Монтгомери в его доме, то ли пожить пару дней в гостинице или сегодня же поменять билет на самолет – по плану я собиралась пробыть здесь около двух недель. Сказать хотела, но не смогла – не хватило сил и словарного запаса.

Вернуться домой сейчас означало явиться на щите перед знакомыми и родственниками. Дочь посетует: «как же так, мама», подруги посочувствуют, а тетушка сообщит, что это – справедливое наказание за попытку продать родину и честь.

Джеймс понравился мне при встрече: серьёзный, респектабельный мужчина, он купил тур и прилетел в Питер, выучил несколько фраз на русском языке, рассказывал о себе, о своих увлечениях и торговле скобяными изделиями, о том, что немного играет на кларнете и любит путешествовать. Позавчера улыбался в мониторе, говорил, что ждёт встречи и волнуется. Может, что-то произошло с каким-то его родственником? Но в таком случае, почему не позвонил или не написал записку? Его похитили? Что за ерунда! Испугался встречи со мной и сбежал? Тогда почему не запер дверь? Детективная история, одним словом.

«Наверное, стоит просмотреть его почту и бумаги, – подумала я, – благо, что они лежат здесь на столике. Не стану читать чужие письма, а лишь взгляну на них».

Озвучила эту мысль:

– Миссис Хоуп, может быть, я просмотрю почту мистера Монтгомери?

– Хорошо, смотрите, – обреченно кивнула экономка.

Ничего, сигнализирующего о необходимости экстренного отъезда, в бумагах не нашлось, ни на столике в прихожей, ни на журнальном в гостиной. А если таковые послания и были, то хозяин дома мог забрать их с собой. Я обнаружила несколько поздравительных рождественских открыток от церковной общины, пару нераспечатанных конвертов с рекламными предложениями, неровно оторванный клочок бумаги с каким-то непонятными линиями, видимо, на нем расписывали капризную шариковую ручку. Зато у входной двери на стене нашёлся шкафчик-ключница, в котором висел ключ, вероятно, от дома.

«Поживу в этом доме пару дней, ожидая Джеймса, а когда все прояснится, со спокойной совестью вернусь домой», – решила я и стало как-то легче.

– Как найти магазин мистера Монтгомери? – спросила экономку.

– На Даун Роуд, но сегодня суббота, он не открывает его по субботам. Неужели вы думаете, что он там?

– Просто хочу посмотреть.

«Удостовериться, что этот магазин существует», – мысленно добавила я. Джеймс рассказывал о скобяной лавке, которая принадлежала ещё его деду. После смерти отца Джеймс хотел продать магазин, но передумал.

Миссис Хоуп смерила меня недобрый взглядом, но я не находила ничего предосудительного в том, чтобы взглянуть на магазин. После сложных переговоров, в ходе которых она все-таки выдала мне ключи, что висели на ключнице в прихожей, и нарисовала на розовом листке, как по пешеходной дорожке добраться до Даун Роуд, я вышла из дома.

Указанная тропа нашлась быстро, она начиналась в конце переулка и тянулась вдоль леса, носящего имя некой святой Елены. Вековые деревья – я узнала дубы и ясени – шатром раскинули еще мокрые от ночной бури голые ветви – они то скрывали, то пропускали сквозь корявое кружево лучи холодного январского солнца. Сначала я шла в одиночестве, начиная подозревать, что население этого города вообще не склонно покидать свои дома, но вскоре меня обогнала шумная компания молодых людей, затем навстречу попались две бодро шагающие пожилые дамы, они закивали и заулыбались мне, словно знакомой. Встреча эта, холодный чистый воздух и солнечные блики, следующие по пятам, подняли настроение, и жизнь показалась не такой уж безнадежно-неудачной. Джеймс найдется, я побывала в Англии, и кто знает, что ещё ждет впереди. Возможно, что-то хорошее? Впрочем, в непредсказуемости предстоящего я убедилась очень скоро, через несколько шагов – хорошо утоптанная тропа спустилась в низину и уперлась в препятствие в виде обширной лужи и вязкой грязи – смертельный номер для новых кожаных сапог. Пришлось свернуть в лес, чтобы обойти лужу, подняться по небольшому склону, заросшему каким-то неестественно ярким мхом. Лес был чист, словно выметен,

лишь кое-где желтели забытые сухие листья. Я нашла несколько желудей, светло-коричневых, гладких, приятных на ощупь. Какая-то птица закричала в лесу, словно был не январь, когда всем приличным птицам положено находиться в тёплых краях. Впрочем, возможно, юг Британского острова и был для неё тёплым краем. Преодолев препятствие, я вернулась на тропу, которая вскоре и неожиданно закончилась улицей – вдоль неё лесенкой тянулся ряд похожих друг на друга очень живописных домов, нереальных, словно декорация исторического кинофильма. Я ступила на узкий тротуар и остановилась, роясь в карманах в поисках розового плана миссис Хоуп. Вместо него там обнаружили лишь жёлуди, найденные в лесу. Поиски в сумке тоже не дали результата. Видимо, я обронила листок, когда собирала эти жёлуди и тупо радовалась жизни. Не страдая топографическим кретинизмом, я не могла похвастаться и особыми талантами в этой области, тем более в настолько чужом городе. Ничего не оставалось, как идти вперед, тем более, улица манила своей живописностью – тишиной и пустотой, шероховатостями тронутых мхом стен, сложенных из камня, черепицей крыш, цветными ставнями окон и неизвестностью, в которую спускалась, вполне справедливо нося имя Хиллсайд¹ – об этом свидетельствовала табличка на стене одного из домов. Кажется, такого названия в плане, нарисованном миссис Хоуп, не было. Видимо, я свернула куда-то не туда. Хотелось есть – ведь я так и не позавтракала, а прогулка по свежему воздуху добавила аппетита. Может быть, от переживаний и стрессов чуть похудею?

Решила пройти до конца улицы, надеясь спросить у какого-нибудь прохожего, как выбраться отсюда на Даун Роуд, и пошла, глаза по сторонам, словно престарелая Алиса в стране Чудес, повторяя про себя классический диалог из учебника: «Извините, не подскажете ли, как мне добраться до...?», но улица была пустынна, будто актёров отпустили пообедать.

В крошечном садике возле очередного дома с белёными стенами и красной крышей я наконец увидела живую душу: женщину в спортивном костюме, с лопатой в руках, но не осмелилась обратиться к ней. Оглянулась на звук мотора приближающегося автомобиля. Машина подъехала и остановилась напротив. Из неё выскочил мужчина в сером пальто и замер, глядя на дом с красной крышей, следом выбрался другой, постарше, водрузил на голову бесформенную шляпу и резко захлопнул дверцу. Он двинулся прямо на меня, словно выбрал цель и собрался смести её с лица британской земли.

– Извините, – сказала я, когда он поравнялся со мной и начал обходить, как неуместное препятствие. – Извините, не подскажете ли, как добраться до... до Даун Роуд?

– Что? – рявкнул он, проявив недюжинную галантность. – Что вы хотите, мэм?

– Ничего, – пробормотала я. – Э-э-э... Даун Роуд... извините...

Безнадежно махнув рукой, продолжила путь, сражаясь со слезами – и в молодости нередко плакала, а в зрелости стала невозможно сентиментальна и плаксива, носовой платок в каждом кармане.

– Мэм! – грозно раздалось за спиной. – Даун Роуд в другой стороне.

Я глубоко вздохнула и остановилась – не стоило игнорировать всё-таки проявленное внимание.

– Извините, не могли бы вы подсказать, где?

Джентльмен в шляпе недовольно пожал плечами и выдал инструкцию, суть которой я потеряла где-то в середине, но просить повторить посчитала неудобным. Поблагодарила, как смогла, и двинулась в указанную доброжелательным англичанином сторону.

За спиной о чем-то переговаривались джентльмены, затем послышались шаги по гравии дорожки, женский возглас. Я обернулась, не сдержав любопытства. Женщина размахивала лопатой, не пропуская парочку. Молодой выписывал перед нею полукруги, а немолодой что-то говорил, видимо, пытаясь успокоить разъярённую хозяйку дома. Неладно что-то в датском,

¹ Hillside – холмистая сторона (англ)

пardon, британском королевстве. Я остановилась, размышляя, вмешаться или убежать прочь. Женщина резко воткнула лопату в землю и, махнув рукой, зашагала к дому, двое последовали за нею. Я пошла прочь, несколько взволнованная странной сценой, свидетелем которой случайно стала. Через четверть часа оказалась на перекрёстке трех улиц. Здесь, по сравнению с Хиллсайдом, было довольно оживлённо. Возле перехода обнаружился указатель очередной пешеходной тропы, которые, по всей видимости, пользовались здесь популярностью. Тропа завела то ли в лес, то ли в парк. То тут, то там за деревьями виднелись коттеджи, разбросанные в живописном беспорядке. Дорожка вывела на другую городскую улицу, застроенную столь же интересными домами. Она, на мою радость, называлась Даун Роуд, но пришлось побродить в разных направлениях, прежде чем обнаружилась запертая на древний засов скобяная лавка под вывеской *Monty Hardware*. Дом был несколько потрёпан временем, имел по-тюдоровски чёрно-белые полосатые стены, зелёные ставни на первом этаже, и выглядел вполне сказочно. Я чуть было не стала его хозяйкой! Ладно, не хозяйкой, но причастной к делу.

Торчать напротив магазина или пытаться проникнуть внутрь было явно неуместно, и я решила поехать в центр города. После очередной порции поисков и осторожных расспросов села на двухэтажный автобус под номером 21. Маршрут оказался весьма затейливым, автобус долго колесил по широким и узким улицам, я смотрела в окно, удивляясь и восхищаясь. Автобус выехал на набережную, справа открылся морской простор, слева – площадь с памятником в центре, окружённая домами в несколько этажей с фасадами, усеянными фигурными балконами.

Я вышла на следующей остановке. Автобус скрылся в дебрях города, а я осталась стоять на набережной, разглядывая дома, что нестройным разноцветным рядом лепились один к другому: узкий с огромными окнами, затем скучный голубой с вывеской *Shanghai*, следующий – оранжевый с эркером и стеклянной витриной на первом этаже, дальше – белокаменный дворец в миниатюре, с острой крышей и стрельчатыми окнами... Набережную отделяла от пляжа чугунная ограда, ярко-красная вывеска грозно предупреждала, что во время прилива море заливают променады. Море... Кажущееся безбрежным, оно шумело передо мной, латунью блестело в лучах солнца, лениво наползая волной на мелкую гальку и песок пляжа, окатывая брызгами волнорезы.

Я спустилась на пляж и пошла по мокрому песку – было время отлива, и море ушло, обнажив песчаный простор. Думала о горячем кофе или чае, о вчерашней пище, сапогах, которые порчу, хлюпая по воде, о слишком холодном ветре, еще о каких-то мелочах. Впереди гнал полные воды свои Английский пролив ака Ла-Манш, за ним был французский берег, а за спиной – чужой город, пропавший «жених» и почти полная неизвестность.

Глава 5. Ленинград. Простуда. Ножки

Ночью Ася проснулась. Подушка под щекой и простыня были влажными, а сама она горела, словно какой-то злоумышленник разжег внутри небольшой, но весьма эффективный костер. Она выбралась из-под одеяла, нащупала тапочки и добралась до кухонного угла – попить воды из чайника. Меж узких штор пробивался жидкий свет одинокого уличного фонаря. Вода показалась очень холодной и обожгла горло, словно Ася выпила стакан кислоты. Жар вдруг сменился резким ознобом. На полке в коробке, где хранились всякие нужные и не очень мелочи, она нашла пластинку таблеток аспирина, выпила сразу две и забралась под одеяло.

Согреться удалось не сразу, но, когда удалось, пришлось стаскивать с себя одеяло, чтобы не сгореть во вновь разгоревшемся костре. Так она промучилась до утра, на мгновение засыпая и вновь просыпаясь, и лишь когда в комнате стало совсем светло, забылась тяжелым вязким сном, словно погрузилась в липкую смолу.

Ее разбудила Лёля, дотронулась до лба.

– Аська, ты вся горишь. Опять заболела?

– Да, – виновато прохрипела Ася, обнаружив, что вдобавок ко всему потеряла голос. – Горло болит и температура.

– Понял, как обычно, – вздохнула подруга. – Сейчас поищу мёду или варенья малинового. У Борисовой сто процентов есть.

– Борисова не даст, – прохрипела Ася.

– Молчи лучше, не надрывайся. Даст, куда она денется, – отрезала Лёля.

Через четверть часа она принесла вырванную из хозяйственных лап практичной трехкурсницы Борисовой банку, наполовину заполненную мёдом, плотным, бледно-жёлтым, с белой изморозью сахарных прожилок. За это время Ася кое-как добралась до кухни, чтобы поставить чайник. А еще через полчаса она возлежала на двух подушках, блаженно глотая горячий чай, заедая дерущим горло мёдом. Почти как дома в детстве, когда болела, и мама укладывала её на свою кровать и поила горячим чаем и каплями датского короля. Горячее блаженство портили лишь головная боль, ноющее горло и неотвязное воспоминание о встрече и конфузе со Смоlichem, да и закончилось это блаженство очень скоро – короткое облегчение сменилось новой волной жара. Она выпила таблетку и поплыла в вязком тумане, где сон путался с явью. Явь же вскоре вытащила ее из постели: организм жестко потребовал активного участия в своих функциях. Закутавшись в серый пуховой платок, бабушкин подарок, Ася отправилась по пустынному дню коридору, в место общего пользования.

Сполоснув руки ледяной водой, она взглянула на себя в заляпанное зеркало, что висело над умывальниками. Слипшиеся волосы, красное лицо, больные тусклые глаза – неприглядное зрелище. Дверь распахнулась, вошла вечно сердитая уборщица, загремела ведром. Ася ретировалась, не дослушав нелестную характеристику, прозвучавшую в свой адрес. По коридору почти бежала, насколько хватало сил, так хотелось поскорее забраться под одеяло. Чуть задохнувшись, взялась за ручку двери своей комнаты и замерла, уловив голоса: один – женский, другой – мужской. Ася не поняла, кому они принадлежат – в голове стучали молоточки, отдаваясь ударами в висках, мешая вникать и слушать. Голоса смолкли, и она было решила, что ей почудилось. Ася открыла дверь, вошла и замерла на пороге, словно приклеенная. Двое, видимо, только что вошедшие в комнату, обернулись к ней. Кудрявая светловолосая пышная красотка Лариса, туго обтянутая зелёным драпом двубортного пальто, и... Лёня Акулов, невозможно синеглазый, немыслимо красивый, уставились на Асю, словно увидели привидение. Впрочем, именно на привидение она и была похожа. Первой выступила Лариса, задав риторический вопрос:

– Аська, ты что, дома?

– Что с тобой? – не услышав ответа, продолжила она, узрев, что с хозяйкой комнаты творится что-то неладное.

Ася прижала ладони к щекам. Желание исчезнуть, раствориться в душном воздухе комнаты стало почти невыносимым. Она даже сжалась, пытаясь уменьшиться в размерах.

– Привет, – подал реплику Лёня. – А мы вот тут... зашли.

Лучше бы молчал. И без того ясная картина стала прозрачной. Ну что ж, именно так и должно было случиться. Встретиться с актером, поклонницей которого являешься, и пролить кофе ему на брюки; влюбиться в парня, который спит с подружкой твоей подружки, в комнате, где ты живешь, и выглядеть при нём, как баба яга – неплохой расклад для романтической девушки с фантазиями. Впрочем, последний пункт не имел значения, не всё ли ему равно, как она выглядит. Она им кайф поломала своим неуместным появлением – вот что главное. Картина Ильи Ефимовича «Не ждали...».

Такие или примерно такие мысли сумбуром крутились в несчастной больной Асиной голове, пока она тщетно пыталась слиться с грязновато-голубой краской холодной двери, к которой прижалась замерзающей спиной. «Вот бы сейчас упасть в обморок... нет, упасть бы, когда Лариски здесь не будет. Ну да, упасть в обморок, и он станет поднимать тебя с пола, такую больную и опухшую, затем сразу полюбит и жить без тебя не сможет?»

– Ты больная совсем, – продолжила Лариса, в голосе прозвучало сочувствие –приправа к разочарованию.

Лёня же был чертовски красив или слишком похорошел из-за температурной дымки, в которой Асе виделось всё вокруг.

– Простудилась, – прохрипела она.

– Сочувствую, – сказал Лёня, и Асе показалось, что он действительно сочувствовал ей.

– Да, а вы вот пришли, а я – дома... – прошептала она.

– Ты ложись, мы пойдем, – пробормотала Лариса. – Мы за магом забежали.

– Ну да, я лягу, конечно, не вы же... – пролепетала Ася, и на этот раз ей трудно было не поймать зверский Ларкин взгляд и усмешку синих Лёниных глаз.

«Каково черта они у него такие синие, – крутилось в голове. – Синий, синий иней, синий, синий иней, one way ticket...».

Ася направилась к кровати, парочка расступилась перед нею. Она прошла мимо Лёни, близко-близко, и, наверное, почувствовала бы запах его одеколона, если бы не был заложен нос.

– У тебя хорошие записи, – сказала, усаживаясь на кровать.

– Да, неплохие... хочешь, подкину? – подмигнул Лёня.

– А у меня и магнитофона нет. Только проигрыватель, да и тот напрокат.

Он поставил на стол магнитофон, сунул вилку в розетку и защелкал клавишами-выключателями. Завертелись, чуть шурша, катушки: «Cos for twenty-four years I've been living next door to Alice...».

– Тебе может, лекарства какие купить? Ты к врачу ходила? – поинтересовалась вдруг забытая Лариса.

– Нет, я только сегодня заболела. Ничего не нужно, спасибо, Лёлька принесет.

– Я тебе маг оставлю, покрутишь, – синие глаза смотрели на Асю в упор, и она плотнее укуталась в платок.

– Спасибо, – выдохнула она. – А когда вернуть?

– Договоримся, – весело бросил он.

– Пойдем, Лёнчик, – ревниво проворковала Лариса, надевая перед зеркалом вязаную шапочку. – Не будем мешать Асе, ей нужно поспать. А как же мы без мага?

– Прорвёмся, – беззаботно бросил Лёня, улыбнувшись пространству комнаты.

Они ушли, а Ася откинулась на подушки и заплакала, молча, растирая по щекам слёзы, жгучие, как кислота.

Вечером Лёля притащила стакан зелёного ликёра Шартрез, которым разжилась в 512-й, мальчуковой, и маленький телевизор, переходящий, как красное знамя, из комнаты в комнату – его приходилось время от времени лупить по корпусу, чтобы он возвращал на место сужающуюся в линию картинку. Общими усилиями был сооружен фирменный лечебный напиток из ликёра, мёда, малинового варенья и чая под рабочим названием «Если не помрешь, то будешь жить». Чтобы поддержать подругу, Леля накапала ликёра и себе в чай. Асе же пришлось выпить свои полстакана. Напиток обжигал внутренности и бил в голову, зато эффективно бросал в пот и сбивал жар собственным жаром, короче говоря, клин вышибался клином.

– Лёля, ты знала, что Лариска здесь у нас... спит с... Акуловым? – спросила Ася уже не шепотом – под воздействием ликёра или чего-либо другого у неё прорезался голос.

– Не... нет, не знала, – протянула, смутившись, Лёля. – Про него не знала, клянусь. Да Ларка с кем только не спит, – добавила она, пытаясь исправить ситуацию, и замолчала, виновато глядя на Асю, сообразив, что этим вряд ли что исправишь.

– Ерунда, я просто спросила. Не успела тебе рассказать: вчера пришла домой, а они здесь, на Валиной кровати.

– Аська-а... – пробормотала Лёля, хмыкнула, проглотила накатившее не к месту веселье. – Брось переживать, у него таких Ларис... все равно у них это не всерьёз... – слова утешения прозвучали не слишком утешительно.

– Да мне какая разница? – прохрипела Ася, вновь потеряв голос. – Но он мне маг оставил, посочувствовал. А я была страшна, как ведьма.

– Да что ты? – восхитилась Леля. – Ну и мерзавец!

Она встала и хлопнула по телевизору, вернув на экран четверку мушкетеров российского производства, браво распеваящих «Когда твой друг в крови, а ля гер ком а ля гер...».

На третье утро после кризисной ночи, проведённой в кошмарах и в поту, Ася в невесть-который-раз решила начать новую жизнь, отбросив прочь глупые девичьи грёзы, и почувствовала себя свободной и лёгкой, как птица. Вероятно, этому способствовало состояние эйфории, которое часто приходит во время выздоровления. Она нагрела воды и вымылась в тазу в комнате – душевые в общежитии отсутствовали, мыться ходили в знаменитые на весь Ленинград Посадские бани на углу Малой Посадской и Певческого переулка. Там можно было попариться в сауне, нырнуть в крохотный бассейн, а в раздевалках общих душевых послушать беседы и воспоминания питерских старух-блокадниц, которые собирались в бане, словно в английском клубе.

Банный день Ася отложила до выздоровления. Замотав голову большим, ещё маминым, полотенцем и закутавшись в тёплый халат, она устроилась на кровати с чашкой горячего чаю и зачитанной самиздатовской книгой, которую вчера, напирая на сочувствие к себе, больной-беспомощной, выпросила у мужа Валентины, Юры Володина, на один день и под честное слово не слишком рекламировать. Душа компании, балагур и гитарист, он имел весьма обширный круг общения, в том числе и около-диссидентский.

Ася осторожно перелистывала тонкие желтоватые страницы, с замиранием сердца глотая бледные, напечатанные на машинке строки. Было немного конфузно: оттого, что она читала запрещённую книгу, от неверия в то, о чём повествовал автор, и потому что это было правдой. Она отложила книгу, когда от слабости закружилась голова, а в комнате стемнело, словно снаружи на окно накинули тонкое серое покрывало. По оконному стеклу застучали, потекли струи дождя. Ася откинулась на подушку, думая о том, что Смолич мог бы сыграть роль главного героя книги, что нужно успеть прочитать до завтра, и что у Лёни Акулова не слишком хороший вкус, раз он выбрал Лариску – или она его выбрала, что тоже вполне вероятно. Мысли

о Лёне стали какой-то обыденной составляющей, о которой необходимо помнить, потому что всё равно не забыть.

Слабость взяла своё, и Ася задремала, прижалась щекой к прохладной подушке, обняла книгу, забралась под одеяло, погружаясь в приятный, почти счастливый сон, из которого была вырвана резким стуком. Села на кровати, стук повторился, дверь открылась, противно заскрипел – не помогало подсолнечное масло, которым были щедро политы старые петли, – и нетерпеливый гость вошёл, остановился на пороге, открыв своим явлением немую сцену.

– Привет, – сказал Лёня Акулов. – Я тут... ворвался, извини, если что.

– Привет, ничего, проходи, – Ася засуетилась, вскочила с кровати, книга упала на пол, раскрылась, обнажив потертые страницы.

Лёня наклонился, поднял, взглянул на самодельный переплет.

– Ого, читаешь самиздат?

– Да, вот... читаю... – Ася совсем смутилась – мало того, что он снова застал её в разобранном виде, так ещё и за чтением запретного плода.

– Нравится?

– А ты читал? – спросила она.

– Нет... эту нет, – махнул он головой, подавая книгу.

Она взяла её, повертела в руках, положила на стол. Узел закрученного на голове полотенца развалился, оно сползло на плечи. Ася сбросила полотенце на спинку стула и поправила еще влажные волосы, поймав на себе Лёнин взгляд, от которого стало не по себе. В последний раз так или примерно так на неё смотрел курсант нахимовского училища, с которым она целовалась в холодном тамбуре поезда Ленинград – Рига. Дело было в марте, когда они с Лёлей экспромтом поехали в Пушкинские горы. Места в вагоне достались боковые, а соседями оказались курсанты, едушие на практику в Ригу. Это был кураж, короткий, на три часа от Питера до Пскова, с весёлой болтовней, глотком водки, поцелуями и быстрым прощанием. Парень даже написал Асе письмо, которое она без колебаний порвала – ведь у неё уже были далёкий Георгий Смолич и безответный Лёня Акулов, который сейчас так внезапно оказался рядом.

«Не забудь – он спит с Ларкой», – напомнила себе Ася, словно это могло помочь – и не помогло, – беспринципное нутро противно замирало и ёкало.

– А Ларисы здесь нет, – сказала она, отворачиваясь от синего взора.

– Я, собственно, не к Ларисе.

– А зачем? – поинтересовалась она.

Оставалось только кокетливо улыбнуться.

– Навестить больную, – заявил он.

– Неужели?

Это краска смущения ударила в лицо или снова поднялась температура?

– Пробегал мимо, подумал...

– ... что оставил здесь свой магнитофон... – продолжила Ася. – Вот он, в целости и сохранности. Спасибо.

– Как это ты всегда всё знаешь?

– Я не всегда всё знаю, я ничего не знаю, потому что ты меня совсем не знаешь, – Ася выдала абракадабру, проклиная себя за косноязычие и глупость.

– Стоит узнать получше? – спросил он.

– Не стоит... – отрезала она, замирая от собственной смелости.

– Как хочешь, – ответил он и замолчал, оглядываясь.

«Вспоминает, как тут с Лариской...», – злобно подумала Ася.

– Но ты права, я за магом, – продолжил он как ни в чём не бывало. – Тебе, смотрю, получше?

– Спасибо, да.

– Что да?

– Да. Получше,

– А я было подумал ты насчет «у-узнать», – протянул Лёня, усмехнувшись.

Асе хотелось, чтобы он поскорее ушёл, слишком сильно было её смятение. Она подошла к столу, выдернула вилку магнитофона из розетки и взялась за массивную пластмассовую ручку.

– Э-э... давай я, – Лёня шагнул, чтобы помочь, она рванулась в сторону, но, конечно, не в ту, и столкнулась с ним, ударившись плечом. Он подхватил её за талию, словно только и ждал подобного момента, и прижал к себе.

«Я без лифчика и в ночной рубашке...», – в ужасе подумала Ася, но замерла от ощущений, обрушившихся на неё, словно струи водопада. Серая в рубчик влажная ткань его пальто, в которую она уткнулась носом, пахла дождём, уже знакомым одеколоном и еще чем-то, мужским. «Нос распухший, и губа треснула!» – вспомнила она и рванулась.

– Отпусти...

– А если нет? – прошептал он ей в ухо, обжигая щеку горячим дыханием.

– Сейчас Лёля придет... – пробормотала она. – И я заразная... наверно.

– Ну и что?

– А тебе всё равно? Всё равно кто? Ты же здесь с Ларисой был!

Ася вырвалась из его рук, запахла плотнее халат.

– Это несерьёзно... – произнес он, ничуть не смутившись.

– Меня это не касается! – зачем-то заключила Ася, сама не зная, что же её не касалось – его неразборчивость или объятия.

Лёля, вошедшая в комнату в сей исторический момент, появилась как нельзя вовремя, помешав Асе наговорить глупостей, о которых придётся пожалеть. Впрочем, кое-что она всё-таки успела сказать.

Что это было? Насмешка? Невольный порыв? Случайность? Череду вопросов подобного рода не давали покоя Асе, сцена столкновения у магнитофона прочно застряла в голове и в теле, словно на грязновато-бежевой стене комнаты рядом с фотографией Боярского, вырезанной из журнала, постоянно крутили один и тот же кинокадр – она в объятиях Акулова.

На следующий день в комнате собралась компания девчонок поболтать и посмотреть очередную серию «Трёх мушкетеров». Притащили банку огурцов домашней засолки и буханку бородинского хлеба. Ели огурцы с хлебом, обсуждали сладкоголосого Д'Артаньяна, и его роли в питерском театре; Констанцию Бонасье и самую красивую актерскую пару Союза; отъезд однокурсника в Израиль; слухи о том, что завтра в Пассаже выбросят финские сапоги, и просто хохотали без причины так, как можно хохотать в двадцать с небольшим, когда жизненные силы рвут тонкую кожу внешних неурядиц.

– Лёлька, мне нужны сапоги! – заявила Ася, после того как девчонки разошлись по своим комнатам.

– Думаешь? Хочешь рискнуть?

– Какое там! – Ася тут же сыграла отбой своему порыву. – Надо рублей сто двадцать, если не больше! И даже если найду, все равно не повезёт, они передо мной закончатся.

Сапоги, тем не менее, вписывались в упомянутый выше кинокадр, став в нём необходимой деталью. Они нужны были не только ради практической цели, взамен старых со сломанным замком, но и чтобы появиться перед Лёней, и он увидел, что она – не робкая, больная и несчастная, бросающаяся на шею любому, а гордая красавица в новых финских сапожках.

Лёля, послушав Асины стенания, сжалась и предложила в долг пятьдесят рублей, которые ей прислал отец-алиментщик. Воспев щедрую подругу, Ася отправилась собирать деньги, слабо представляя, как будет отдавать долги, но мысль о новых сапогах стала всепоглощающей. Существовало несколько уже изведанных способов улучшить материальное положение: отпахать несколько ночных смен на хлебокомбинате, устроиться на почту разносить утреннюю кор-

респонденцию, сняться в массовке на Ленфильме или, в крайнем случае, выпросить у тетушки. На комбинате платили по пять рублей за смену, иногда удавалось стащить буханку хлеба или пакет пряников, на почте за месяц – сорок рублей, а тариф массовки составлял трешку за день.

Ей удалось разжиться двадцатью рублями у однокурсниц, но остальные попытки оказались тщетными – середина месяца, весна, какие деньги? Богатая Борисова открывать кубышку не стала, и Ася вернулась в комнату, решив отказаться от затеи с сапогами. Помощь пришла с неожиданной стороны – под вечер пришли Володиные, Валя с Юрой, и принесли вафельный торт – мечту эстета-сладкоежки – огромный, украшенный по периметру шоколадными розами, с шоколадным Медным всадником в центре.

– Зашли прийти в себя после визита к Юриным родителям, – шепнула Валя ахающим над кулинарным шедевром девчонкам. – А это чудо купили в «Тортах», мы же давно мечтали такой фирменный попробовать!

– Разорились! – подтвердил Юра.

Лёля помчалась разогревать чайник, а Ася собрала на стол разнокалиберные чашки и кружки, достала из тумбочки заветный пакет индийского чая со слоном.

– И как тебе эта вещь? Сильно написано, смело и правдиво... – сказал Юра, когда все устроились за столом, и Ася отдала ему прочитанную книгу.

– Не могу поверить, что талантливых образованных людей вот так держали в заключении и заставляли работать на государство, – ответила она.

– Автор ведь сам был в такой шарашке, это идеальная иллюстрация, какой ценой оплачены достижения сталинской эпохи.

– Иллюстрация, конечно, но это очень нелегко переварить, – вставила Лёля, успевшая прочитать книгу, как обычно, по диагонали.

Со сталинских шарашек и самиздата разговор плавно перетек на джинсы, которые принес Юра – приятель просил продать, – и слово за слово перешел на финские сапоги и недостаток финансов.

– Можем занять, если очень надо, – сказал Юра. – Сколько тебе, Ася?

– Рублей пятьдесят.

Валентина замерла, прислушиваясь к движениям наследника. Юра достал из кармана деньги.

– Предки выделили на покупки, так что бери, сохраннее будет. Вот тебе полтинник.

– Но я смогу отдать только в следующем месяце, – пробормотала Ася. – Или завтра, если ничего не выйдет.

– Ничего, в следующем, так в следующем.

По правде говоря, девчонки втайне завидовали подруге – Юра запал на неё еще на втором курсе, долго обхаживал и всё-таки уломал.

Шоколадные розы пошли на ура, но ни у кого не поднималась рука резать Медного всадника. В конце концов за дело взялся мужчина, и лезвие ножа уже подбиралось к вздыбленному над глазурной бездной коню, как рука его дрогнула – Валентина громко ойкнула, испуганно округлив глаза.

– Юра, девочки... я, наверное, рожаю...

– Что, Валёк, что? – нож полетел на стол, а муж кинулся к жене.

– Всё! Ой! Мамочки!

Больше ничего членораздельного, кроме ахов и охов, услышать от неё не удалось. Лёля рванула на вахту вызывать скорую, Юра запрыгал вокруг жены, исполняя панический ритуальный танец. Ася держала охающую Валу за руки, пытаясь успокоить. Когда приехала скорая, Валентина идти уже не могла, уверяя, что у неё отошли воды, и субтильный Юра потащил жену вниз на руках. В общаге начался переполох, скорую провожали дружной толпой, стоя на

крыльце и желая удачи! Подвыпивший Саша Веселов даже побежал вслед за машиной, пытаясь ухватиться за бампер.

Проводив подругу, Ася и Лёля вернулись к так и не разрезанному шоколадному тарту, чашкам с недопитым чаем и пяти красненьким, оставленным Юрой на столе. Сидели молча, переваривая событие. Роды были пугающей и влекущей загадкой, а то, что рожать уехала подружка Валька, с которой съеден не один пуд соли, наполняло девчонок особым трепетным волнением. Обсуждать тему не стали, по молчаливому согласию наложив на неё табу.

– Ну что, Аська, будем ждать и доедать торт? – нарушила тишину Лёля.

– Что-то не хочется, – пробормотала Ася.

– Что не хочется?

– Есть не хочется!

– Если честно, мне тоже не хочется!

Посидели, разглядывая торт. Медный всадник, покаянный ножом, сдерживал твердой рукой шоколадного коня. Одиноко грустила последняя розочка.

– А если... – начали одновременно и замолчали, уставившись друг на друга.

– Что, если? – спросила Ася.

– А у тебя что? – вопросом на вопрос отреагировала Лёля.

– Подумала: а если попробовать продать торт Борисовой?

– Синхрон, Аська! – подскочила подружка.

Доели на двоих последнюю розочку и пошли. Борисова смотрела телевизор, на кровати в углу спала подселённая первокурсница, которую «хозяйка» комнаты старательно выживала.

– Вера, купи торт, – объявила Ася, держа в руках шоколадное великолепие, словно хлеб-соль на свадьбе.

– Купи, Верусик, а! – подхватила Лёля.

– Вы что, девки, с ума сошли? – пробасила Борисова.

– Да ты посмотри, какое чудо, по дешевке продаём, – протянула Ася.

– Мы розы съели, но все остальное девственно нетронутое. Лови удачу! – добавила Лёля.

– Почём? – колебавшись, спросила Борисова.

– За... четырнадцать рублей, – объявила Лёля.

– Да он в магазине стоит пятнадцать! – блеснула знанием цен Вера.

– Но шоколад-то весь на месте.

– А роз там сколько было? Они же веночком идут.

– Не веночком, а орнаментом, с промежутками, – возмутилась Ася.

Подсчитали количество съеденных роз, вывели пропорцию, сошлись на двенадцати рублях и разошлись, довольные друг другом.

Ася поставила будильник на четыре утра, но так толком и не уснула, ворочалась, кашляла, думала о Валентине. Встала полчетвёртого, собралась, одевшись потеплей и кое-как зашив сломанный замок сапога. На вахте дежурила доброжелательная Анна Петровна, она разрешила воспользоваться телефоном. Ася набрала охтинский номер Володиных, но ей ответили только длинные пустые гудки – Юра то ли спал, то ли так и не вернулся домой. Ася вышла в прохладную темноту тихого раннего утра. Пешком до Невского по пустому, гулкому проспекту, через Кировский мост, через Неву, несущую на запад темные густые воды, мимо силуэта Петропавловского собора, врезающего в небеса тонкий шпиль. Каблуки стучали по асфальту, было зябко от прохлады и болезненной слабости. На Марсовом поле чернели купы кустарников, за решеткой Михайловского сада таинственно шелестели кроны лип, прогрохотал по рельсам ремонтный трамвай. Когда Ася свернула на Невский, ей показалось, что она попала в другой мир – напротив входа в Пассаж сгрудилась шумная толпа. Она заняла очередь и отправилась прогуливаться по необычно пустому проспекту, ожидая открытия магазина. Стоять в утренних очередях было не впервой, немало часов проведено у театров, в ожидании открытия кассы.

Впрочем, когда зажглись огни, и открылись двери Пассажа, очередность уже не имела значения – здесь играла роль сила, скорость и наглость. Дамы, успевшие прорваться первыми, помчались по галерее к вождленному прилавку, ставя рекорды в спринтерской стометровке. Опоздавшие, оттесненные сильными, неслись следом, возмущаясь поведением лидерш. Ася в лидеры не попала, но, благодаря молодости и спортивной подготовке, ей удалось вписаться в середину очереди, которая эмоциональной змеей растянулась чуть ли не на все сто восемьдесят метров галереи Пассажа. Два часа ожидания Ася скоротала, сбегав позавтракать в кафе и обсудив с соседкой, дамой средних лет, качество обуви разных стран-производителей и места, где импортную обувь можно достать – соседка продемонстрировала глубокое знание предмета и наличие практического опыта, но сокрушалась, что больная нога не позволила обогнать соперниц на первом этапе. Когда до вождленной цели оставалось человек пять, пошли слухи о том, что сапоги заканчиваются.

– А мне нужен 38-й, никогда не могу подобрать себе обувь, – затосковала соседка.

– А у меня 35-й, – призналась Ася.

– Возьму любой, – сказала дама, – Если что, поменяю или продам, не зря же столько стояла.

– 35-го нет, – заявила продавщица, когда Ася добралась до прилавка. – Будете брать другой размер?

– Я... не знаю, – смешалась Ася. – А 36-й есть?

– Нет, остался только 38-й.

– Ох, а мне как раз нужен 38-й! – засуетилась соседка.

– Есть еще пара, – успокоила её продавщица.

– Давайте 38-й, – махнула рукой Ася.

Продавщица достала коробку, бухнула на прилавок.

– Будете брать? Сто двадцать рублей в кассу.

Когда Ася вернулась с чеком, у прилавка разгорался конфликт.

– Я первой была в очереди, а вы мне подсунули не тот размер! – орала раскрасневшаяся дама.

– Какой вы сказали, я вам тот и дала! – ответно рычала продавщица.

– Безобразие! Я буду на вас жаловаться! – пыхтела дама.

– Жалуйтесь, сколько хотите. 38-го уже нет, только что забрали последнюю пару, – парировала продавщица.

Такого везения Ася не ждала – оказалось, что лидерша принесла коробку с 35-м размером. Обмен произошел тут же, к обоюдному удовольствию сторон.

Когда совершенно обессиленная Ася вернулась домой и открыла коробку, ей оставалось лишь ахнуть от удовольствия – сапоги были верхом совершенства и пределом мечтаний. Из мягкой серой кожи, с орнаментом на голенище, на узком, но устойчивом каблуке и как раз по ноге – просто чудо, а не обувь. Она уснула, упав на кровать, прямо в новых сапогах. Разбудила её вернувшаяся из института Лёля с известием, что ночью Валя родила дочь.

Следующие дни наполнились заботами – никто не знал, в какой роддом увезли подругу, Юра на звонки не отвечал, канув в пространство, и девушки решили съездить на Охту.

Володины жили в однокомнатной хрущёвке – квартиру сдала какая-то дальняя родственница родителей Юры. Поплутав среди одинаковых дворов с типовыми пятиэтажками, прячущимися за деревьями, что за двадцать лет дотянулись до верхних этажей, Ася и Лёля в конце концов нашли нужный дом, поднялись на пятый этаж. Звонили долго, но безрезультатно. Когда уже собирались уходить, Ася толкнула дверь, и она поддалась, оказавшись незапертой.

– Здесь есть кто-нибудь? – спросила подруги дуэтом.

Молчание. Осторожно пробрались через крошечный коридор, раздвинули штору из шариков и бамбуковых трубочек, вошли в комнату и замерли: здесь, дружно похрапывая, спали

Утюгов и Сипягин, один на полу, второй на диване. Присутствия Юры не наблюдалось, а через фигурное стекло кухонной двери пробивался тусклый свет.

– Идем туда? – спросила Лёля, кивнув в сторону кухни.

– Давай, – кивнула Ася и открыла дверь. В свете ночника с пробитым абажуром, стоящего отчего-то на плите, перед ними предстала весьма живописная картина: стол, заваленный тарелками с остатками еды, рюмками, стаканами, пустыми бутылками. Один из участников симпозиума спал среди всего этого великолепия, уютно уткнувшись лицом в столешницу. Другой обнаружился в узком промежутке между столом и плитой. В спящем на полу угадывался Юра, его собутыльник поднял голову, едва Ася сделала второй шаг – словно почувствовал чье-то присутствие. Она невольно отшатнулась, готовая бежать прочь, но отступать было некуда и поздно. Лёня Акулов уставился на неё пьяными синими глазами.

– Ой, девчонки пришли! Девчонки... – он встал, толкнув стол, упала и покатилась бутылка. Ася едва успела поймать её на лету, чуть не наступив на лежащего на полу Юру. Тот что-то пробормотал, устраиваясь поудобнее.

– Девчонки! – Лёня все-таки выбрался из-за стола. – А мы тут, омбы... обмываем ножки, Юрка же дочку родил...

– Вообще-то, это Валя родила, – сердито отрезала Лёля.

– Какие сердитые вы, девчонки... Асенька, ты тоже на нас сердись? То ж ножки... Лёня шагнул к Асе, она отступила в сторону, снова наткнувшись на Юру. Тот засопел, заворочался.

– Выпейте с нами... Юрик, вставай, девчонки пришли! – Лёня, пошатнувшись, наступил на лежащего на полу счастливого отца. Тот возмущенно заворчал и зашевелился.

– Ножки обмыли, сволочи! – возмущалась Лёля. – Юрка, вставай, мерзавец!

– Да, ножки... – пробормотал тот.

– Ты у Вали в роддоме был? – спросила Ася.

– Я? Был... не был... мне же к Валечке в роддом, у меня там дочка родилась, не мальчик, а девочка, – забормотал Юра.

Девчонки подхватили его под руки, оттолкнув Лёню, который порывался то ли помочь, то ли помешать.

– Мы собирались, но не смогли... – добавил Лёня.

– Чем только вы думали... Юрка, рассказывай, какой роддом, мы съездим!

Володин уперся бараном, и ни мытьем, ни катаньем не удалось уговорить его сообщить адрес роддома – он был намерен исполнить отцовский долг сам. После брожений по квартире, поисков продуктов и вещей, которые нужно отвезти Валентине, глотков недопитого алкоголя, разыскивания курток, шапок, ботинок и прочего отправились вчетвером, оставив досыпать Утюгова и Сипягина.

Лёня заявил, что не покинет друга и любой ценой проводит его до пункта назначения. Вдохнув прохлады вечернего воздуха, парни взбодрились и запели нестройным дуэтом, порываясь совершить что-либо героическое во имя женской красоты и новорожденной. Пришлось разбиться на пары мальчик-девочка, чтобы успокоить ретивое. Ася предпочла бы взять на себя заботу о Юре, но Лёля опередила ее, то ли случайно, то ли намеренно. Акулов же заботу не принял, скорее, охватил заботой Асю – подхватив под руку, потащил за собой. Когда вышли на проспект, начал моросить мелкий противный дождь, асфальт заблестел пятнами фонарей и полосами фар пронесившихся мимо машин.

Применили коварный вариант: молодых людей загнали на тротуар, вывели из зоны видимости, голосовать пошла Лёля. Смиловитился и тормознул водитель потрепанных Жигулей. Его негативную реакцию на парней, явившихся, словно два молодца из ларца, смягчили аргументами, что один из них стал отцом, вся компания едет навещать его жену и ребенка, и умаслили обещанием заплатить десятку. Лёля села на переднее сиденье, а Ася попала в цветник,

между Юрой и Лёней. Молодой отец слегка протрезвел и взялся за обязанности навигатора, а Лёня обнял Асю, заявив, что так ему удобнее. Ася не стала возражать, некуда было деться, хотя все силы ушли на то, чтобы сохранить внешнее спокойствие и жалкие остатки внутреннего. Она пыталась не смотреть на Акулова, на его небритую щеку, на волосы, блестящие мелкими каплями дождя, но время от времени чувствовала на себе его взгляд, или ей лишь казалось, что он смотрел на неё.

Роддом находился на окраине – двухэтажное грязновато-розовое здание за решетчатой оградой и строем огромных старых кленов. В приёмном покое теснились отцы и родственники, подавали в узкое, похожее на тюремное, окошко свёртки передач. На подоконнике сиротливо валялся помятый букет гвоздик.

Мрачная пожилая санитарка сгребла Юрины пакеты, бросив равнодушно-осуждающий взгляд на его небритую физиономию – сколько тысяч таких помятых радостным событием лиц прошло перед её глазами?

Из приемного покоя отправились под окна, вызывать красну девицу выглянуть в окошко.

– Валя, Валечка! – закричал Юра, его поддержал Лёнин баритон и Лёлино меццосопрано, Ася кричать не смогла, похрипела и закашлялась.

– Валя-я-я! 3-я палата! – скандировала троица до тех пор, пока в окне на втором этаже не показалась Валентина, необычно маленькая, бледная, в нелепом пёстром больничном халате. Заулыбалась, замахала руками, что-то говоря, пыхнула гневом в сторону мужа, показав ему кулак, затем исчезла.

– Куда же ты, Валечка? – беспомощно пробормотал Юра.

– Валя, вернись! – заорал Лёня.

Она вернулась, снова появилась в окне, показывая розовый сверток с крошечным сморщенным личиком в обрамлении байкового одеяла.

– Валечка, Валя, я так люблю тебя! – вымолвил Юра и рухнул на колени на вытоптанную мокрую землю. – Как я люблю тебя!

– Володин! – застонали девчонки.

– Не мешайте мужику, – сурово остановил их Лёня.

В окне появилась дама в белой косынке и белом халате, что-то сердито выговаривая Валентине, оттеснила её, замахала руками в сторону посетителей.

– Верните мне жену! – заорал Юра, вскакивая с колен.

– Юрочка, поедem уже домой, завтра приедешь... выпишься и приедешь, – Лёля погладила его по плечу. – Вон и Аська опять голос потеряла.

– Акулы-ы-ыч! У меня дочь!

О старые стены роддома, безмолвные свидетели тысяч восторгов и признаний, потоков слез и разочарований!

Обратно добирались на перекладных, сели на автобус, затем на другой. На Охту приехали, когда уже стемнело. Двое оставленных в квартире приятелей спали, мирно обнявшись, но были жестоко разбужены. Девушки навели порядок на кухне, выбросили бутылки, уложили утомлённого отца спать на освободившийся диван и с сознанием выполненного долга отправились домой, прихватив с собой протрезвевших друзей. Распрощались на трамвайной остановке в надежде, что те не вернуться к Юре опохмеляться и продолжать обмывание ножек. Во всяком случае, Лёля и Ася сделали все, что могли.

– Петровский тортик сейчас бы совсем не помешал. Может, Борисова ещё не съела, пойдём, выкупим остатки? – предложила Лёля, когда девчонки наконец-то добрались до своей, такой уютной, комнаты и, поскребя по сусекам, соорудили неброский ужин из поджаренных на подсолнечном масле остатков батона под кружку горячего жидкого чая.

– Какая девчонка хорошая у Вали, три шестьсот! У меня сестрёнка родилась кило семьсот, крохотная была, на ладони умещалась.

– Это Катя-то на ладони? – улыбнулась Ася.

Сводная десятилетняя сестра Лёли была ребенком весьма крупным и пышущим здоровьем, трудно было представить, что когда-то она весила кило семьсот.

– А Лёнчик, кажется, на тебя запал, подруга, – помолчав, сообщила Леля. – Не напрасно ты страдала.

– Неужели ты думаешь... – начала Ася. – Ерунда. Ему всё равно на кого западать.

На следующее утро Ася собиралась в институт, чтобы пройти летящей походкой, с гордо поднятой головой и полным безразличием к неким особям мужского пола, которые, возможно, и не появятся по причине горького похмелья. Чуть подкрученные щипцами волосы, особо тщательный макияж, любимая юбка, точно по фигуре, тонкая водолазка густого бордового цвета, новые колготки – Лёльке удалось купить две пары с рук – и, разумеется, великолепные финские сапоги на узком каблучке.

– Такая красота, не знаю, что с нею делать, куда бежать, – пробормотала Ася, разглядывая себя в зеркале.

Глава 6. Гастингс. Замок

Я вернулась «домой» в сумерках, трижды заблудившись и измучившись. Зато чувствовала себя стройной, как в двадцать, ладно, в тридцать лет – завтрак не удался, а на обед лишь выпила чашку кофе и съела английскую закуску fish-and-chips – жареную рыбу, обложенную картофелем фри.

Приближаясь к дому по уже знакомому переулку, загадала: если удастся пройти по узкому бордюру тротуара двадцать шагов и не потерять равновесие, значит, всё будет хорошо, Джеймс встретит меня дома, живой и невредимый, и всё объяснит. Или соврёт, но это неважно – главное, чтобы нашёлся. Привычку загадывать на «будет-не будет» я пронесла через всю свою непутёвую жизнь, так и не избавившись от нее, но это, как ни странно, иногда помогало обрести уверенность.

Равновесие, конечно же, потеряла – возраст и усталость взяли своё, но не потеряла надежды и загадала, что Джеймс Монтгомери окажется дома, если успею сосчитать до десяти, пока из поля зрения не исчезнет автомобиль, что вывернул в переулок невесть откуда. Машина стрельнула фарами, пролетев мимо, а я застряла на несчастливом «девять». Замедлила шаг, у поворота к дому ноги стали ватными, и я невольно ухватила за живую изгородь, разумеется, не найдя опоры. Постояла, поглаживая чуть колючие шершавые стриженные ветки, пытаясь успокоиться. В конце концов, я не могу изменить то, что уже случилось, остается одно – жить, согласно тому, что происходит. Эта теория часто помогала обрести пусть и шаткое, но равновесие. У меня есть ключи от дома, где я могу переночевать, что уже неплохо. Свернула на дорожку, ведущую к дому – ни единого огонька, даже фонарик на крыльце не светился, как вчера вечером – дом был мрачен и, скорее всего, пуст.

Стало страшно, вата в ногах одеревенела, несколько шагов до крылечка прошла, как по минному полю. Долго вставляла ключ в замочную скважину, потом не могла повернуть, но в конце концов замок поддался, впуская в дом. Включила свет в прихожей, постояла, прислушиваясь к тишине. Страх не прошёл, лишь слегка ослабил объятия, давая передышку. Сняла пальто, заглянула в гостиную, прошла на кухню. За французским окном зловеще шевелились, двигались, приплясывали ветви и тени – поднимался ветер. Я согрела чай и сделала пару бутербродов. На столе обнаружилась записка от миссис Хоуп, в которой она сообщала, что приготовила комнату наверху, в мансарде, что отключила отопление и придет завтра к десяти утра. Решила отложить поход наверх и, перекусив, устроилась в уже освоенной гостиной. Сытый желудок, теплый свет лампы и мягкий диван, на котором я расположилась, вытянув уставшие ноги и завернувшись в плед, немного ослабили страхи. Рыжий джентльмен смотрел с портрета куда-то вдаль.

Но что же случилось, что заставило Джеймса Монтгомери внезапно исчезнуть в день моего приезда, ничего не объяснив и не оставив никакой записки? Озарение пришло вместе с вдруг замигавшей под абажуром лампочкой. Электронная почта! Как же я сразу об этом не подумала? Мне нужны компьютер и интернет. Оторвала себя от дивана и отправилась в поход по дому. В комнатах первого этажа никаких признаков оргтехники не наблюдалось. Постояла перед лестницей и двинулась по ступенькам, обтянутым ковровым покрытием.

На втором этаже одна из дверей вела в спальню, аккуратно убранную, с большой кроватью, застеленной точно таким же пледом, что лежал в гостиной. Вторая – в ванную комнату, блистающую розоватой плиткой и дугами никелированных труб. Третья – в кабинет с книжными шкафами, письменным столом и офисным креслом. Один из шкафов, весьма старинного вида, показался знакомым – именно его я видела за спиной Джеймса, когда общалась с ним по скайпу. Письменный стол был девственно пуст, но Джеймс явно разговаривал со мной, сидя за этим столом. Вероятно, он пользовался ноутбуком, который забрал с собой. Подавив в

поисковом порыве неловкость, я заглянула в ящики стола, найдя там полпачки чистой бумаги, несколько конвертов и устройство с кнопками. Решила, что это, вероятно, электронный ключ от гаража. В старинном шкафу за стеклянной дверцей обнаружилась фотография, вставленная в паспорт – улыбающийся Джеймс в компании двух мужчин на фоне ярко-зелёной лужайки и живописных развалин.

Вопросив фотографического Джеймса, куда же он пропал, поставила карточку на место, задвинула ящики стола и вышла из кабинета с ключом и мыслью, что завтра нужно будет найти какое-нибудь интернет-кафе и проверить почту.

Спустилась на первый этаж и вышла на задний двор. После нескольких попыток гараж удалось открыть – штора поползла вверх, открыв пустое нутро. Машины в гараже не было. Значит, мистер Монтгомери уехал на машине? Интересно, куда? Что, если он попал в аварию по пути в Гатвик и сейчас лежит в больнице или ещё хуже...? Но об этом должны бы сообщить... Кому, если он живёт один? Не сразу, но всё же закрыв гараж, вернулась в дом.

Поднялась на третий этаж, в мансарду. Здесь также было три двери, две из них вели в небольшие комнаты, одна была холодновато пуста, в другой, вполне уютной, с маленьким декоративным камином, миссис Хоуп застелила постель и занесла сюда мой чемодан. Третья дверь вела в ванную. После нескольких неудачных попыток мне всё-таки удалось включить водонагреватель, и я с невероятным наслаждением забралась под душ, словно не мылась целую вечность. В комнате нырнула под пышное синтетическое одеяло. Прямо надо мной нависало мансардное окно, а за его стеклом – густо-синее небо, забрызганное звездами. Я закуталась в одеяло и почти сразу уснула, даже не успев достроить стратегические планы на завтра.

Утром не сразу поняла, где нахожусь. В стекле надо мной отражались блики, рассыпаясь по белым стенам лукавыми солнечными зайчиками. Выбралась из-под одеяла в холод нетопленной комнаты, промчалась через коридор в ванную, включила водонагреватель. Не сразу пристроилась к двум отдельным кранам умывальника – из одного полилась ледяная холодная, из другого – кипяток. В конце концов заткнула сливное отверстие пробкой и умылась по-английски: прямо из раковины. Уложив волосы, подрисовав лицо, надела любимое трикотажное платье, меланжевое, бежево-коричневое, подчеркнув пояском отсутствующую талию. Готовилась к встрече, не зная с кем или с чем.

Спустилась вниз, приготовила завтрак. Вышла через французское окно на задний двор. Утро выдалось не хуже вчерашнего: прохладное, солнечное, оптимистичное, с начисто вымытой голубизной небес. Посидела на изящной кованой скамейке, прячущейся среди холодоустойчивых кустарников с мелкими багрового цвета листьями, размышляла, составляла план действий. Найти интернет, проверить почту, написать письмо дочери, поменять доллары на фунты, позаботиться о билете на самолёт. Обратиться в полицию по поводу исчезновения хозяина дома.

Замерзнув, вернулась в дом, на диван в гостиной, сидела, листая журнал и вздрагивая от каждого звука, долетающего снаружи. Старинного вида часы, висящие на стене возле портрета рыжеволосого, отбили десять гулким пугающим звоном. Вспомнила, что нужно перевести время на наручных. Подкрутила стрелки и поправила дату: 16 января, среда. Раздался звон дверного колокольчика. Я вскочила, уронив с дивана журнал. О, если бы это был Джеймс! Почти бегом к входной двери, попытка разглядеть пришедшего через цветное стекло, борьба с незнакомым замком, дрожащие руки и... миссис Хоуп с пакетом молока. Невероятная пунктуальность!

– Доброе утро, Анастаси-а. Как поживаете? – сурово спросила она. – Джеймс не вернулся?

– Доброе утро, – ответила я и покачала головой, подтверждая отсутствие хозяина дома.

– Это странно, странно, третий день, – огорченно сказала экономка. – С ним что-то случилось. Что вы собираетесь делать?

Я попыталась рассказать ей, что надеюсь что-то узнать из электронной почты, и о своих попытках найти в доме компьютер.

– Мне казалось, он был в комнате, на втором этаже, на столе...

Миссис Хоуп, что-то пробормотав, отправилась вверх по лестнице, я устремила след.

– Мистер Монтгомери не любит, когда я убираю здесь, поэтому я стараюсь лишний раз ничего не трогать, – сказала она, распахивая дверь кабинета. – Компьютер обычно стоит на столе, но он иногда берёт его с собой.

Я прошла к книжному шкафу и достала фотографию.

– Вы знаете, кто эти мужчины?

– Какие-то знакомые мистера Монтгомери.

– И вы никого не знаете?

– Не знаю, – подтвердила экономка и вернула фотографию на место. – Лучше вы ничего здесь не трогайте. Вы хорошо спали наверху?

– Да, спасибо, спала... хорошо. У мистера Монтгомери есть родственники? Возможно, он у кого-то из них? – высказала я предположение.

– Не знаю. Я ведь просто убираю в доме.

– Я нашла в кабинете ключ от гаража и открыла его. Машины там нет.

– Значит, он куда-то уехал... по делам, – бодро отозвалась экономка.

Экономка ушла, а я оделась и отправилась в город. До центра добралась довольно быстро, сев на правильный автобус – вчерашние скитания не прошли даром. Покружила среди живописных зданий, пробежалась по торговому центру, заглянула в магазинчик, где продавались куклы, разряженные в разнообразные костюмы, нашла почту и интернет-кафе, и скалистый холм с развалинами замка – причудливую древность, довлеющую над суетливым, плотно застроенным пространством Гастингса. Город понемногу принимал меня к себе, раскрывая свои секреты.

Набирая адрес своего почтового ящика в интернет-кафе, я, конечно же, позабыла пароль. Пока искала его, вводила и ждала, когда откроется страница, вспотела от волнения. Три новых письма: два рекламных от Quelle, одно от Маши, дочери – она спрашивала, как я добралась, как идут дела и передавала привет Джеймсу, от последнего же – ни слова. Скорее всего, он банально сбежал от меня, в последний момент испугавшись, что связался с какой-то русской тёткой. Я долго сидела, тупо уставившись в монитор, пока тот не погас, уснув. Вернув жизнь электронному чуду, написала письмо дочери, сообщив, что всё в порядке. Вышла на улицу и бездумно двинулась, куда глаза глядят. Погода испортилась, небо затянуло серой мглой, накрапывал мелкий дождик. Утренний оптимизм лопнул, как воздушный шарик, проткнутый иголкой. Мокнуть под дождем не хотелось, а глаза углядели вывеску кинотеатра «Одеон» – большие буквы изогнулись по углу симпатичного здания, фасады которого были пышно украшены белыми фигурными балкончиками, фризами, пилястрами и прочими архитектурными изысками. Направилась туда – посижу в зале, посмотрю кино, успокоюсь, умирать, так с музыкой – и как раз успела на текущий сеанс мировой премьеры. Об этом фильме много говорили, и я почти на три часа забыла о невзгодах, несмотря на то что понимала далеко не всё, о чём толковали персонажи. Когда вышла из кинотеатра, дождь закончился, город окутала предвечерняя синева, медленно загорались фонари, их светлые пятна отражались в мокрой плитке площади. Огромная белая чайка, совершив пируэт, приземлилась посреди тротуара, прохожие обходили её, словно обычную кошку.

Почему бы не сходить в замок? Если верить рекламному буклету, который я прихватила на почте, это обойдется всего лишь в четыре с копейками фунта, а я своими глазами увижу первый нормандский замок, построенный в Англии.

Вышла на улицу Касл Хилл, что, изгибаясь, взбиралась на холм, и вскоре, слегка задохнувшись от подъема, зашла в замок – зелёный луг, окружённый полуразрушенными, зарос-

шими мхом каменными стенами. Билетерша предупредила, что экскурсии и показ исторического фильма в палатке средневекового образца, что стояла в центре луга, проводятся только с утра. Заверила её, что меня это вполне устраивает.

Посетителей было немного. Отсюда, с вершины холма, открывались роскошные виды на город и на пролив, сине-серый, сливающийся с небесами на горизонте. Я устроилась возле стены, сложенной из крупных неровных мшистых камней. Светлое пространство, очерченное изящной линией арки, блёкло на глазах, словно в кино, где время суток меняется монтажом. Компания молодых людей позировала фотографу на фоне живописных развалин, зеленела трава, откуда-то звучала музыка – мирная картина, а почти тысячу лет назад здесь несколько часов кипел кровавый бой – пешие саксонские воины сражались против конницы нормандского герцога Вильгельма. Исход битвы был решен в пользу нормандцев, саксонский король Гарольд был убит – стрела попала ему в глаз... Что, если Джеймса уже нет в живых? «Вернусь домой... на Woodcombe Drive и, если его там не окажется, звоню в полицию», – решила я.

Глава 7. Ленинград. Два театра

Ася вошла в аудиторию, необычно уверенная в себе, вдохновлённая, взволнованная и потому красивая. Ноги, весьма неплохие ноги, плотно обтянуты мягкой узорчатой кожей, походка легка, стук каблучков элегантен, аромат польских духов «Быть может» тонок. Амфитеатр лекционной аудитории привычно гудел разноголосьем. На миг захватило дух, словно при выходе на сцену, а от мысли, что сейчас Лёня Акулов, возможно, смотрит в её сторону, а она его не видит, лица слились в единую массу, будто цветные пятна на полотнах импрессионистов.

Жизнь сосредоточилась на одном: будет-не будет, заиграет ли мир вокруг или рухнет в одночасье от равнодушного взгляда? Туман рассеялся, и сцена обрела лица, но синеглазое средоточие своего мира Ася так и не увидела, испытал от того прямо противоположные чувства – разочарование, что пока не узнала ответа, и облегчение, что ответа пока не узнала. Полет с небес на землю оказался быстрым и почти безболезненным – наивно полагать, что Акулов явится в институт после вчерашней пьянки у Юры Володина, который, разумеется, тоже отсутствовал. Равнодушно приняв комплименты однокурсниц и даже пары однокурсников, Ася поднялась на самый верх амфитеатра и устроилась там, вдали, в одиночестве, заливать царапину и вспоминать вчерашнего пьяного Лёню.

Он не появился ни завтра, ни послезавтра, и, прометавшись две ночи без сна в смутных думах, но крепко заснув на третью, Ася почти успокоилась, объявив себе с утра, что совместная поездка в роддом поставила точку в её упавшей неведомо откуда влюбленности. «Ты сама придумала то, чего нет», – завертелись в голове слова незатейливой успокоительно-терапевтической песенки.

Успокоилась и совершенно неожиданно в тот же день столкнулась с ним в институте, когда спешила по длинному извилистому коридору, – переходу из седьмого корпуса в четвёртый – опаздывая на семинар, с пачкой двухкопеечных тетрадей в руках, закупленных в институтском киоске на всю группу. Киоскёрша совмещала приятное с полезным, служа еще и театральным агентом, поэтому в Асиной сумке лежали только что чудом приобретённые два билета на вечерний спектакль БДТ со Смоличем в одной из главных ролей и нагрузка – две контрамарки на творческую встречу с известным поэтом-пародистом в великолепном Юсуповском дворце на Мойке. Душу также грели семнадцать рублей, остатки перевода от тётушки, и удачно подвернувшийся заработок – контрольная по начерталке для знакомого первокурсника. Ася почти бежала и, поворачивая в полутемный закоулок коридора, врзалась в Лёню на всей скорости, не успев затормозить. Зачем они столкнулись? Почему бы одному из них было не задержаться или другому не выйти с конечного пункта попозже? Ошеломлённая ударом, встречей и неожиданностью, Ася отшатнулась и упала бы, если бы Акулов не подхватил её. Тетради разлетелись по полу, раскрыв нагие белые в бледную клеточку страницы.

– Асенька... куда ж ты так спешешь? – спросил, улыбаясь, Лёня, глядя ей в лицо сверху вниз.

Зачем он зовёт её Асенькой?

– Извини, я... тут... э-э-э... чуть не снесла тебя, – пробормотала она, осторожно выбираясь из его рук и наклоняясь, чтобы собрать тетради. Он ответил что-то, она не поняла, не разобрала его слов, страшно смутилась и растерялась, совершенно потеряв контроль над собой. А ведь почти не стеснялась его несколько дней назад, в такси и там, у роддома, шутила и сердилась, когда спроваживали весёлую компанию обмывателей ножек по домам. И думать о нём забыла... с сегодняшнего утра. И вот, пожалуйста, пересеклась с ним, словно планета, залетевшая на чужую орбиту. Проклиная себя и свою непутёвую судьбину, Ася собирала тетради, вытаскивала их из рук Лёни, злилась, краснела и желала исчезнуть, раствориться в коридоре,

который, как назло, вдруг опустел, словно бегущую по нему толпу опаздывающих студентов смыло незримой волной. Тетради были собраны, она выпрямилась, прижав их к груди, будто надев кольчугу, и наткнулась на синеву Лёниных глаз, в полутьме слабо освещённого коридора кажущуюся глубокой, словно омут, из тех, в которых тонут девы, наивно пытающиеся разгадать их тайны.

– Спасибо, – пробормотала Ася и, не давая ему возможности произнести ещё что-то из его вечного шутивого трепа, повернулась, чтобы продолжить свой путь, сбежать, освободиться от невыносимости смотреть на него, разговаривать с ним, терпеть узел, в который скрутилось всё внутри. Неужели это и зовется любовью? Или каким-то иным словом?

– Асенька, что ж ты так спешишь? – услышала она за спиной, сделала по инерции и из упрямства несколько шагов, остановилась и оглянулась, чтобы увидеть, как он, махнув рукой куда-то в пространство, разворачивается, чтобы уйти.

– Лёня! – воскликнула она... нет, то была не она, а другая, вдруг ожившая внутри и начавшая управлять её телом, словами и поступками. Это она заставила Асю окликнуть Акулова, она повела её к нему, обернувшись на зов.

– Ну что, передумала убежать? – спросил Лёня, и та, внутренняя Ася, поправив волосы исконным женским жестом, выпалила:

– У меня два билета есть, в театр, на сегодня... вечером... ты, может, не любишь, но билет... пойдешь... со мной?

Настоящая Ася совсем не понимала, что говорит и зачем, и не представляла, что будет делать, если он сейчас откажется. Провалится от стыда под истертый тысячами ног пол? Сгорит на месте, полыхнув костром? Взлетит облачком под сводчатый монастырского вида потолок? Пауза затянулась, становясь невыносимой. Внутренняя нахалка, сделав свое гнусное дело, смылась в неизвестном направлении, как её и не бывало, оставив Асю один на один с содеянным.

– А что, почему нет? Пойдем, Асенька! – вдруг сказал Лёня, забавно изогнув бровь.

– Тогда... на Фонтанке, у БДТ, в семь...? – спросила она, воспев внутри заздравную песнь.

– Окей, договорились! – кивнул он.

– Я тогда... пойду, семинар... и всё такое...

– Иди, солнце моё, – отозвался он, дотронулся до её плеча и, сам того не ведая, нанес ожог, как минимум, третьей степени.

Ушёл, зазвенел, затарахтел звонок, а Ася осталась стоять посреди коридора, омываемая вдруг возобновившимся людским потоком, маленькая взлохмаченная девушка с тетрадами, в новых финских сапогах и вновь потерянным сердцем, «солнце моё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.